

Надежда Первухина

Злое КОЛДОВСТВО



Осторо-о-ожно-о-о, Юля!!!

Надежда Первухина
Злое колдовство
Серия «Город Щедрый», книга 3

<http://www.fenzin.org>
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159354
Злое колдовство: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.; 2007
ISBN 5-93556-908-6

Аннотация

Город Щедрый наводнен ужасом и паникой. Юля Ветрова – ведьма высшей категории – творит ЗЛОЕ КОЛДОВСТВО. А еще она грозитя прикончить самого Сидора Акашкина, местного журналиста, героя пера и ноутбука. Так что Акашкину приходится бежать в Толедо и просить у тамошних ведьм идеологического убежища. И не подозревает Акашкин, что в Толедо ждет его самое главное событие в его жизни... Пока же в городе Щедром работников мэрии превращают в аквариумных рыбок, директора завода – в игуану (чтоб зарплату рабочим не задерживал), пьяницу – в стиральную машину... Догадайтесь, кто за всем этим стоит? Уж конечно не Баба Зина Мирный Атом!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	31
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Надежда Первухина

Злое колдовство

*У вечности в гортани – горький дым
Веками воздух ведьмами кишел.
Они в ночи свои седлали метлы,
Над крышами кружили, хохотали
И напевали нежно, как Цирцея,
Благословляя мир и проклиная...*
Эрика Джонг. Ведьмы

Пролог ПЕПЕЛ

Пепел.

Легкий, как дыхание девственницы, и тяжелый, как грех распутника, он лежал на обугленных досках помоста и был мертв, мертвее этих самых досок, мертвее всего самого мертвого на свете.

Пепел.

Забвенный, брошенный, проклятый, он напоминал сон, который хочется поскорее стереть из памяти, он был подобен смертному стыду, который ни за что в жизни больше не согласишься испытать.

Пепел.

Безымянный, отвергнутый...

...Но вот подул ветер.

Это был не легковейный и тихоструйный бриз, приносящий лишь негу и прохладу. О, это был ветер тяжелых намерений и греховных мыслей. Этот ветер знал себе цену и не собирался дуть задешево.

Ветер коснулся пепла, но тот не взметнулся беспечным облаком. Тяжелой маслянистой струей он заструился прочь с обугленного помоста – к остывшей за ночь земле, к пожухлой траве, к грядущему рассвету.

Ветер дул, и пепел струился. Те ночные травы, что сохранили свежесть, роняли в пепел свою росу; цветы клонили отягощенные нектаром головки, и этот нектар падал в черное нутро пепла. Скоро должен был наступить рассвет, но пока во тьме, подруге всех обреченных, совершалось тайное волшебство.

Пепел достиг обрыва и, подхваченный ветром, закружился-заструился в темной пустоте, предначальной пустоте, лишенной звуков, ощущений, деяний и расплаты за деяния. И в этом нигде и никогда пепел обрел голос. Возможно, в этом был повинен ветер.

– Кто я? – спросил пепел.

– Зависит от тебя, – был ответ.

– Что значит «зависит»? – спросил пепел.

– Означает... э-э-э... что все выбираешь ты, – был ответ.

– Что значит «все»? Что значит «выбираю»? – не унимался пепел.

– Охохонюшки, – был ответ, и больше никакого слова пеплу, который кружился, струился и змеился в пустоте.

Ветер все играл этим пеплом, все устраивал какие-то представления, и тому, кто наблюдал бы за этим странным процессом, показалось бы, что ветер добавляет к пеплу то шум

морского прибоя, то свет запоздалых звезд, то ароматы майских лугов, то нежность материнской колыбельной... Это было странно, это было невозможно, но это совершалось...

Наконец ветер закончил свою работу. И то эфемерное, что доселе было лишь пеплом, тихо протянуло призрачную руку навстречу последнему дару.

Этим последним даром было белое голубиное перо. Его белизна была такой сияющей, что казалось – это перо не из крыла голубя, а из крыла ангела. Впрочем, возможно, так оно и было...

Но тут произошло внезапное. Сменился ветер, задул откуда-то из холодных пещер и раскаленных подземелий и принес в горячем дыхании своем другое перо-перо, что чернее ночи, что кажется вырезанным из куска тьмы.

Перо черного петуха.

И этот кусок тьмы лег в протянутую руку, и вместо гимна сфер прозвучал стон, вслед за которым где-то в недостижимой высоте раздался громовой разочарованный голос:

– Опять напортачили!

И все. И больше ничего не было. Тишина.

И лежавшая в далекой от всего этого больнице девушка сделала первый самостоятельный вдох.

А пепел... Какой пепел? Никакого пепла вовсе и не было. Так, сплошная аллегория.

Глава 1

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ СЕСТРЫ

«Но шквалов не было. Ветер – душный, плотный, горький от дыма – дул очень сильно, однако без порывов. И валы, бурля вершушками, катились ровно. И в конце концов (известно только, скоро или не очень скоро) Кирилл понял, что корабль держится и экипаж тоже держится. Такая погода была по плечу «Капитану Гранту». Он резво бежал, оставляя на склонах волн кипящий след...»

Юноша, читавший вслух потрепанную, с крутобоким парусником на обложке книгу, внезапно замолчал и очень внимательно посмотрел на лежащую в постели девушку. Девушка была почти не видна из-за бинтов и пластырей, скрывавших ее лицо, руки и плечи. Ровное, едва слышное дыхание говорило о том, что девушка крепко спала, возможно, под воздействием снотворных средств.

– Показалось, – прошептал юноша и хотел было продолжить свое негромкое чтение, но тут его плеча коснулась легкая рука.

– Все читаешь?

Юноша дернулся было, но, увидев, кто спрашивает, успокоился. Кивнул:

– Здравствуйте, Анна Николаевна. Да, читаю вот. Мне сказали, что у нее очень глубокий сон, почти кома, но я все равно... Это воздействует на подсознание, я знаю, я уверен...

– А что читаешь, Данила?

– Владислав Крапивин, «Колыбельная для брата».

– «Только детские книги читать, только детские думы лелеять», – процитировала Анна Николаевна с печальной улыбкой. – Почему такой выбор, мм, литературы, Данила?

– Ну не «Любовника...» же «...леди Чаттерлей» ей читать! – тихо возмутился Данила. – Вы сами говорили, когда Юля очнется, нужно, чтобы она была позитивно настроена. Вот я и настраиваю. Чем еще, кроме детских книжек, настроишь? Детективы – кроваво, фантастика – бесполезно, а от любовных романов вы меня увольте, я это... не извращенец.

Анна Николаевна улыбнулась. Затем улыбка на ее лице сменилась озабоченностью. Она подошла к кровати, на которой лежала больная, и спросила, внимательно вглядываясь в бинты:

– Никаких изменений не было?

– Нет, я бы заметил, – сказал Данила.

– Мысленно вызывать пробовал?

– Каждую четверть часа. Молчит. Так, ну словно, словно никогда не была телепаткой.

– Но разум остался, ты чувствуешь?

– Конечно! Анна Николаевна, она лежит и все понимает! Только ответить не может. Ей... ей очень плохо.

Анна Николаевна снова коснулась плеча Данилы:

– Ладно, юноша, ты не унывай. Нет еще на свете такой магии, которая с этой бедой не справилась бы.

Анна Николаевна проделала над кроватью несколько замысловатых пассов, от которых в воздухе разлилось голубоватое свечение. Засветился и пол под кроватью – теперь стало видно, что кровать стоит, окруженная защитной пентаграммой и каббалистическими знаками высшего ранга. В воздухе запахло благовониями и немного озоном – как бывает после грозы. С пальцев Анны Николаевны, потрескивая, скатилось несколько маленьких ярко-оранжевых шариков. Шарик, образовав нечто вроде венца, опустился на голову больной и пропал. Ничего больше не произошло.

– Глубок сон, – прошептала Анна Николаевна. – Ох глубокий. Не пробить стены.

– Может, и хорошо, что пока не пробить? – задумчиво сказал Данила, и взгляд его при этом был совсем не юношеским. – Она во сне исцеляется.

– Она во сне всему открыта: и светлому и темному, вот что меня тревожит, – сказала Анна Николаевна. – Так что ты читай свои добрые книжки, Данила... Читай.

Она вышла из палаты, плотно притворив за собой дверь. Постояла немного, услышала размеренное чтение и удовлетворенно отошла...

Ну а теперь наше вам почтение, драгоценнейший читатель. Мы, то есть Голос Автора, по традиции, положенной в мировой литературе, теперь должны ввести вас в курс дела, рассказать, кто есть кто в разыгравшейся перед вами драме человеческих судеб.

Во-первых, девушка, лежащая на больничной кровати в бинтах и среди капельниц. Зовут ее Юля Ветрова, ведьмовское Истинное Имя Улиания, потенциал ведьмовства просто огромный. Словом, Юля Ветрова – из всех ведьм ведьма.

За это ведьмовство пришлось Юле поплатиться – некий безумец (о нем мы еще будем говорить позднее) рискнул сжечь ее на костре. Всем ведь известно – ведьм полагается жечь на костре. Ну вот... На общегородском празднике, имевшем место в городе под названием Щедрый, это событие и произошло. Правда, все вовремя опомнились. Это поначалу многим зрителям показалось, что Юля сгорела дотла, а она просто стала невидимой. И невидимой прыгнула с горящего помоста. Однако прыжки прыжками, а серьезные ожоги девушка все-таки получила. Плюс к тому шок и прочие неприятности. Потому и лежала, не приходя в сознание, Юля в больнице города Щедрого, а друзья ее, разумеется, навещали.

Из друзей первый – Данила по прозвищу Крысолов. Юноша непростой. Во-первых, он телепат, во-вторых, ясновидец (если очень захочет), а в-третьих, он умеет своей флейтой управлять разными животными, что, может, экономически пока и бесполезно, да зато экзотично. Ну и самое главное, Данила – возлюбленный Юли. Их романтические отношения развивались довольно робко, но прочно, все испортил проклятый костер, да еще то, что отныне Данила считал себя виноватым в страданиях Юли. А ведь, к слову сказать, юная ведьмочка сама в этот костер полезла, решила на прочность свои нервы проверить. Ох, молодость, молодость...

Второй главный друг Юли – ее тетя Анна Николаевна Гюллинг. Анна Николаевна тоже ведьма, могущественная, но без того молодого нахальства и задора, который присущ Юле. Анна Николаевна тоже корит себя за то, что позволила Юле влезть в костер. Однако Анна Николаевна конструктивно подходит к вопросу исцеления племянницы. Она старается использовать не только достижения медицины, но и возможности оккультизма.

Третий серьезный сторонник Юли – Марья Белинская, молодая женщина, почти колдунья (в том смысле почти, что колдуньей не выросла, а лишь училась быть). Марья Белинская, дочь известного писателя и известной ведьмы, сестра другой известной ведьмы – Дарьи Белинской. Дарья носит почетный и ответственный титул Госпожи Ведьм, а значит, своей владычней рукой может очень многое. Марья уже обращалась к сестре по поводу болезни Юли Ветровой и получила из Толедо (резиденция Госпожи Ведьм находится в Толедо) врача-мага высокого ранга, который обследовал больную и помог, чем мог.

Одним словом, благодаря своим друзьям и сторонникам Юля Ветрова выжила. Но вот в сознание пока не приходила. Или не хотела приходить, кто знает...

Данила прочел еще главу и почувствовал, что голосовые связки устали. Он мог сидеть рядом с больной возлюбленной часами, но помимо Юли имелась ведь еще и Большая Жизнь, где у каждого были свои обязанности и задачи. Данилиной обязанностью, к примеру, было написание диссертации и обучение в аспирантуре. Поэтому хочешь не хочешь, а он был вынужден изредка покидать свою девушку.

– Юленька, я пойду, – неловко произнес Данила. Встал со стула, наклонился над спящей и невесомо поцеловал ее в не закрытое бинтами место на щеке.

И тут произошло чудо. Забинтованная рука девушки крепко ухватила Данилу за локоть.

– Х-хто? – прошипела девушка совершенно нечеловеческим голосом и открыла глаза.

Глаза ее светились фиолетовым блеском. Мало того, ресницы сверкали как крохотные молнии! Жуть, в общем, для неподготовленного зрителя! Да и для подготовленного тоже не подарок. Но Данила обрадовался так, словно ему на Рождество подарили остров Мальту. Или Лас-Вегас по меньшей мере.

– Юленька, – проговорил он, ласково касаясь руки девушки. – Это я, Данила.

– Кх-кх-кх, – раскашлялась девушка. С каждым кашлем из ее рта вылетало облачко серебристого пепла.

Данила терпеливо ждал и лишь шептал что-то про себя, видимо, заговоры или магические формулы. Наконец девушка вполне различимо произнесла:

– Кто ты?

Голос ее был очень слаб. Он вообще мог сойти за шепот. Но Данила услышал, что нужно.

– Я Данила. Я твой друг, – сказал он спокойно и убеждающее. – Я с тобой.

Девушка со всей силы стиснула его руку, хотя эта сила была не больше, чем у мыши.

– Кто я? – спросила она еще тише.

– Ты Юля Ветрова, самая красивая девушка на свете, – с улыбкой сказал Данила.

– Что со мной случилось?

– Ты... ты попала в костер и немного поранилась. Ты не волнуйся – ничего страшного нет, ты уже поправляешься...

– Правда?

– Да. – И Данила сделал мысленный посыл: «Юля, это я, твой Данила. Узнай меня».

Глаза девушки погасли на миг, а затем вспыхнули снова. И она мысленно произнесла:

«Я Юля. Ты Данила. Мы можем разговаривать... как это...»

«Телепатически. Слава богу, к тебе вернулся твой дар!»

«Какой дар?»

«Телепатия. Я очень боялся, что после болезни у тебя ничего не получится. Но все в порядке».

«Мне трудно говорить мысленно».

– А ты пока и не трудись, – вслух сказал Данила и улыбнулся. От его улыбки больная почему-то дернулась как от удара током. Данила почувствовал это и перестал улыбаться. Мало ли что. Может, у девушки после ожогов еще и психологическая негативная реакция на улыбки. Все может быть, когда в костер попадает ведьма... И остается жива после этого костра.

– Данила, где я?

– В больнице.

– Это... это понятно. В каком я городе? Я не помню. Я мало что помню.

– Ты в городе Щедром. Ты сюда приехала к своей тете на каникулы. Из Москвы.

– А как я попала в костер?

– Понимаешь, ты – ведьма, и так получилось...

– Я – ведьма?

– Да. А ты ничего такого в себе не чувствуешь?

– А должна? И что именно я должна чувствовать?

– Ну, я не знаю... Силу.

– Нет, силы я никакой не чувствую. Мне кажется, я очень слабая. Совсем слабая.

– Ничего, ты скоро поправишься. И снова станешь сильной.

А глаза Юли сияли как два маленьких фиолетовых солнца.

– Юля, – тихо сказал Данила. – Я должен вызвать врача.

– Зачем?

– Ты долгое время была между сном и комой. Врачи должны знать, что ты очнулась.

– Нет, – вдруг резко сказала Юля. – Вызови мне мою тетю.

– Юля...

– Вызови мне мою тетю!

– Хорошо. – Данила подчинился и вышел из палаты.

Он вышел всего на каких-то десять минут, но этих десяти минут Юле хватило, чтобы встать с постели и сорвать с себя все бинты, несмотря на боль. Ожоги оказались не столь страшными, как она подумала поначалу.

– Глупцы, – сказала Юля, обращаясь неизвестно к кому. – Я могу исцелить себя сама. Неужели это неясно?

Она взмахнула ладонями – те засветились голубоватым светом. Этими сверкающими ладонями Юля принялась водить по всему телу – там, где были раны и ожоги. И они исчезали – как по волшебству. Да ведь это и было волшебством.

– Зеркало, зеркало, явись, – негромко сказала Юля. Перед ней в пустоте тотчас повисло большое овальное зеркало. Юля осмотрела себя. Тело было в порядке, но вот лицо... На лице оставались шрамы. Юля провела ладонями по лицу, убирая их, но ничего не вышло.

– Не понимаю, – пробормотала девушка. – Почему?

– Потому что это не магические шрамы, – раздался голос от двери. – Это тебе кожу пересаживали. И теперь шрамы должны зажить сами. Ну, магия, конечно, ускорит процесс, но не настолько, чтобы шрамы исчезли моментально.

Это говорила Анна Николаевна, входя в палату.

– Благословенна будь, Юленька, – сказала старшая ведьма. – С возвращением тебя.

Сзади в дверях маячил Данила. Увидев, что Юля стоит совершенно нагая, он покраснел и отвел глаза, на что, впрочем, Юля не обратила никакого внимания.

– Благословенны будьте, Анна Николаевна. – Девушка внимательно глядела на вошедшую. – Вы ведь моя тетя, я не ошибаюсь?

– Не ошибаешься, голубушка. Слава святой Вальпурге, ты пришла в себя! Как самочувствие?

– Теперь уже лучше, – сообщила Юля, с удовольствием разглядывая краснеющего Данилу. Затем медленно подошла к кровати и потянула на себя простыню. Закуталась в нее наподобие римской тоги. – Данила, ты можешь на меня смотреть. Правда, эти шрамы меня не украшают...

– Составим травяной сбор, приготовим отвар – каждый день будешь протирать, и все зарубцуется, – пообещала тетя. – Так как ты себя чувствуешь?

– Неплохо... Для ведьмы, попавшей в костер, – сказала Юля.

Анна Николаевна рассмеялась, Юля отшатнулась от нее, вскрикнула:

– Что вы сейчас сделали? Мне больно!

– Я... я только рассмеялась, – испуганно сказала Анна Николаевна. – На тебя плохо действует смех?

– И даже улыбка. Я заметил, – сказал Данила. – Что-то странное.

– Действительно... Никогда не слышала о таком проявлении шока. Юля, извини, я больше никогда не буду при тебе смеяться и улыбаться.

– Спасибо. – Юля судорожно поправила на себе простыню. – Тетя, я вот что хотела у вас спросить: где моя одежда? Я хочу уйти отсюда.

– Как?

– Из больницы. Мне здесь больше нечего делать. Я здорова.

– Юля, но это решат врачи...

– Нет, – спокойно возразила девушка. – Это я решаю сама.

Пришлось спешно вызывать Юлиного лечащего врача. Та, конечно, ахнула и чуть ли не закрестилась – полукоматозная больная пришла в себя, сама исцелила почти все свои ожоги да еще и требует выписки!

– Зачем я вам? – капризно сказала Юля доктору. – Я здорова!

– Поймите, Юля, ваше состояние... теперешнее состояние также может быть проявлением стресса. Допустим, мы вас выпишем. Вы придете домой, а там вам снова станет плохо. Нет, я не могу так рисковать вашим самочувствием!

– Рискните, – тихо и непреклонно потребовала Юля. – Рискните, иначе я превращу вас в жабу. Или тритона. Я это действительно могу.

– Юля, что за нелепые шутки! – возмутилась Анна Николаевна.

– Я не шучу, – ответила Юля. – Выпустите меня.

И глаза ее снова опасно засветились.

– Хорошо, – сдалась доктор, напуганная этим глазным сиянием. – Я подготовлю документы на выписку.

– И одежду, – напомнила Юля.

– Девушка, вас привезли полуобнаженной! – взорвалась врач. – На вас вместо одежды были лохмотья.

– Одежду я немедленно принесу, – торопливо сказала Анна Николаевна. – Юленька, не волнуйся.

– Я не волнуюсь, – ледяным тоном произнесла девушка. – Я только хочу поскорее выйти отсюда. Если угодно – вылечу в простыне и на швабре.

Юля произнесла это, ничуть не улыбнувшись. Ее лицо, и без того испорченное шрамами, казалось каменной маской. Раньше лицо Юли так красила улыбка, она словно освещала лицо изнутри теплым и ярким фонариком. А теперь... И Данила вдруг со стыдом почувствовал, что его девушка некрасива и холодна, как февральский лед. И что ему больше не хочется оставаться с нею наедине и читать вслух Крапивина.

Данила упрекнул себя за такие недостойные мужчины и влюбленного мысли и сказал Юле, что отправляется вместе с Анной Николаевной за одеждой. И что вернутся они очень быстро – у Данилы всегда наготове его верный байк.

Анна Николаевна, не стесняясь своего возраста, села с Данилой на мотоцикл. Взревел мотор, и «хонда» помчалась к дому Анны Николаевны Гюллинг.

В доме наших героев встретила кошка по имени Мадлин. Мадлин тоже когда-то была ведьмой, сожженной на костре, а потом, со временем, волею судьбы превратилась в кошку. Мадлин была первой помощницей Анны Николаевны во всех вопросах, касаемых хозяйства.

– Добрый день, – сказала нашим героям Мадлин, когда те слезли с «хонды» и прошли в дом. – Как дела в больнице?

– Юля очнулась, – почти в один голос сообщили Данила и Анна Николаевна.

– Слава святой Вальпурге! – тоненько мяукнула Мадлин.

– Это еще не все. – Анна Николаевна говорила с кошкой, одновременно поднимаясь в комнату, где жила Юля. – Мадлин, с девочкой что-то произошло. Она изменилась.

– Исчез ведьмовской дар?

– Нет, нет! Дар у нее, похоже, проявляется с еще большей силой. Она стала... холодной. Даже какой-то высокомерной. И еще: она просто с ума сходит, если при ней кто-то смеется или улыбается. Вот что странно. Смех всегда был спутником ведьмовства, и я не понимаю...

Тут Анна Николаевна замолчала и принялась вынимать из шкафа подходящие для Юли вещи. Нашла белье, уложила его в полиэтиленовый пакет. Потом обнаружила кофточку с

длинным рукавом (нынче на улице было прохладно) и расклешенную юбочку-миди. Сложила все в сумку, спустилась вниз, к Даниле.

– Данила, я поеду за девочкой на своей машине, – сказала она парню. – Все-таки она еще не совсем здорова, чтобы на мотоциклах раскатывать.

– Вы правы. А что мне делать?

– Вот что, Даня. Сделай-ка ты доброе дело, съезди в чайную господина Чжуань-сюя. Попроси, чтобы он приготовил травяной сбор номер шесть. Не перепутаешь?

– Травяной сбор номер шесть. Я запомнил.

– Вот и хорошо. Привезешь эти травы, я Юле особый чаек заварю. Для поправки здоровья и настроения.

Данила умчался в чайную «Одинокый дракон», а Анна Николаевна снова поехала в больницу. По дороге она завернула в собственный цветочный салон, где выбрала большой букет лилий и роз для лечащего Юлю врача – все-таки надо было и отблагодарить, и снять стресс. Как это Юля посмела – «превращу в жабу, в тритона»! После болезни у девочки просто все тормоза отказывают, похоже. Надо будет дома обо всем побеседовать...

...Юля со скучающим видом сидела на кровати, а врач самолично мерила девочке давление. Завидев Анну Николаевну, груженную букетом, врач смешалась и покраснела:

– Не понимаю. Это феноменально. Она выздоровела буквально за какие-то минуты. Весь организм в норме!

– Прекрасно, доктор, – мягко сказала Анна Николаевна и вручила женщине букет. Мысленно она приказала доктору уйти – и та поднялась с грацией заведенной куклы и вышла за дверь.

– Одевайся. – Анна Николаевна положила возле Юли пакет с одеждой.

– О! Мерси! – воскликнула девушка и разворошила пакет. Тут же на ее лице обозначилось негодование пополам с брезгливостью. – Что это? Чье это?

– Юля, что за глупости? – возмутилась Анна Николаевна, подуставшая от выкрутасов очнувшейся племянницы. – Это твоя собственная одежда. Не волнуйся, я ее не на распродаже купила.

– Какая гадость! – заявила Юля. – Я этот отстой не надену.

Анна Николаевна три секунды подышала по системе даосских мудрецов, а потом спокойно сказала:

– В таком случае поедешь домой в простыне. Больше я ничего не привезла.

Юля поворчала с минуту, а потом все-таки принялась одеваться, хотя на лице ее было написано живейшее отвращение. Наконец она оделась и сказала:

– Я чувствую себя бездомной кошкой. Надеюсь, мы поедem на машине?

– Да. Идем.

В машине Юля безучастно уставилась в окно и молчала до самого дома. А когда вошли, то оказалось, что их уже ждет Данила с травяным составом.

– Я приготовлю чай, – сказала Анна Николаевна. – Нам он сейчас будет очень полезен. Данила сел около стола в ожидании чая, а Юля заявила:

– Я пойду к себе в комнату, переоденусь. Не могу таскать на себе это барахло.

Юля поднялась вверх. Данила помолчал и сказал:

– С ней что-то не то. Вы тоже это чувствуете?

– Да от нее просто фонит негативной магией! – воскликнула Анна Николаевна. – Не понимаю, откуда она этого набралась! Будто ее обучали в Ложе Магистриан-магов...

Анна Николаевна быстро приготовила чай из травяного сбора номер шесть, разлила по кружкам, положила в вазочку печенье, зефир и конфеты:

– Ну, где наша законодательница мод?

– Вы это обо мне? – раздался капризный голосок.

Юля предстала перед нашими героями, и те ахнули. Анна Николаевна точно знала, что в гардеробе Юли не было такой одежды, значит, девушка сотворила ее сама. Со всем отпущенным ей минимумом вкуса.

Юля натянула на себя красно-черный купальник из лакированной кожи, такие же перчатки (длинные, до локтя) и ботфорты на высокой шпильке. Пространство между низом купальника и ботфортами заполняли красные чулки в сеточку. Мало того. На голове у Юли чудом держались маленькие алые рожки все из той же лаковой кожи.

– Ужас, – прошептал еле слышно Данила.

– Кому не нравится, может не смотреть, – немедленно отозвалась Юля и села за стол, закинув ногу на ногу. – Ну, где же чай?

Анна Николаевна протянула ей чашку. Юля отхлебнула травяного чаю, сначала поморщилась, а потом выпила все содержимое чашки и сказала:

– Тетя, зачем вы это делаете? Вам всякие травки не помогут, ерунда все это – истинный облик. К тому же вот он, мой истинный облик. Кстати, вы знаете такого типа по имени Сидор Акашкин?

– Да, а в чем дело?..

– Я должна его убить, – просто сказала Юля. – Еще чайку налейте, пожалуйста.

Глава 2

ТАЙНЫЕ КОМНАТЫ ДВОРЦА РЕМЕСЛА

– А-а-а-а... А-а-а-а... А-а-а-а-а...

Небритый человек в полосатой пижаме с зашитыми рукавами бессмысленно скреб ладонями по стене, обитой мягкой резиной, и издавал эти бессвязные звуки.

За человеком по камере видеослежения наблюдали две женщины: одна в форме врача, а другая в длинном роскошном платье, не скрывающем уже заметного живота.

– Никаких изменений? – спросила дама в роскошном платье. – Он постоянно так себя ведет?

– Если его связываешь снотворным заклинанием – спит. А просыпается – все начинается снова. Его разум затерян так глубоко, что вернуть его пока не получается ни медикаментами, ни магией.

– Но вы все-таки постарайтесь.

– Да, Госпожа Ведьм.

– Я буду у себя в кабинете, – сказала врачу Госпожа Ведьм Дарья Белинская и вышла из мониторной. Врач поклонилась ей вслед.

Госпожа Ведьм медленно шла по Дворцу Ремесла. Взгляд ее был задумчив. Задуматься тут... Через несколько месяцев рожать, а сестрица повесила ей на шею этого... сумасшедшего. Как его зовут-то? Сидор Акашкин? Да, кажется, так. И что ей прикажете делать с этим безумцем? На него не действуют ни трифазин с пиразидолом, ни магические формулы! И главное – чего ради они должны скрывать во Дворце Ремесла этого жалкого человечку?!

Когда Дарья вошла в кабинет, этот вопрос озвучил ее муж – маг времени и сиятельный Герцог Ведьмы.

– Что вы носитесь с этим жалким мужичонкой? – спросил маг. – Не проще ли его усыпить?

– Проще, но это будет негуманно, – сказала Дарья, тяжело садясь в кресло. – Ох, я сегодня себя просто отвратительно чувствую!

– Погода, – кратко ответил Герцог. – Ты очень метеозависима, дорогая. Хочешь, я поколдую?

– Не стоит. Лучше я приму таблетку аналгина – голова раскалывается.

– Не испортить таблетками наше будущее дитя, – вроде бы в шутку сказал маг времени, а вроде бы и всерьез.

– Не испорчу. У меня аналгин собственного производства. Ты что, забыл про нашу ведьмовскую фармацевтическую фабрику?

– Не забыл. Просто был не в курсе. У вас, ведьмочки, столько тайн...

– Жизнь такая, – ответствовала Дарья Белинская. – Располагает к тайнам и загадкам. А фармацевтическая фабрика у нас появилась недавно. У людей выкупили. Один крупный коммерсант погорел на производстве поддельного валидола и настойки боярышника. Вот и продал поскорее эту фабрику. Чтоб в тюрьму не загреметь.

– Но все равно загремел?

– Само собой. Я уж постаралась. А не уходи от ответственности перед обществом. Если каждый будет уходить от ответственности перед обществом, это что же получится? Бетономешалка, а не цивилизация.

– Высоко и нравственно, звучит, как хорал... Ладно. Вернемся к тому, с кого начали. Что за тип этот Сидор Акашкин?

– Уроженец города Щедрого, есть такой захолустный городишко на моей родине. Прославился этот Сидор написанием довольно негодяйских статей, поскольку является журналистом. Но не это странно. Странно то, что Сидором весьма интересуются в Ложе Магистриан-магов. И вот еще что. Сидора хотят убить.

– Кто?

– Некая юная ведьма по имени Юля Ветрова. Тут вообще все запутано и неясно. Вроде бы в Щедром имел место костер, и инициатором этого костра оказался именно Сидор Акашкин. А жертвой – Юля.

– Но костер под силу лишь... Лишь сама знаешь кому. Что-то не сходится.

– И тем не менее. Говорят, когда девочка попала в костер, журналистик спятил. И до сих пор не может прийти в норму.

– А девочка?

– Выжила. И по последним данным очнулась. Причем очнулась с целью убить именно Сидора Акашкина.

– Мило.

– Еще как. Если учесть, что потенциал ведьмовства у этой Юли просто огромный, то становится ясным, почему Сидора от нее спрятали во Дворце Ремесла. Она его с лица земли сотрет и не заметит. Сдует, как пылинку с рукава. Согласись, такое обращение нежелательно даже с очень плохим человеком. Тем более этот свихнувшийся Акашкин просто жалок.

В этот момент кристалл внутренней связи сверкнул зеленоватой вспышкой.

– Да? – подошла к кристаллу Госпожа Ведьм и коснулась его ладонью.

– Госпожа, это лечащий врач Сидора Акашкина.

– Я вас слушаю.

– Кажется, наш больной приходит в норму. Он заговорил.

– И что же он говорит?

– Он просит защиты и также просит беседы с высшим руководством, то есть с вами, Госпожа.

– Зачем это ему?

– Этого он не сказал. Просит конфиденции.

– Хорошо, приведите его в Малый зал Ремесла. Я сейчас буду.

Кристалл погас.

– Ты пойдешь со мной? – спросила ведьма у своего мужа.

– Да, вдруг этот Акашкин агрессивен. Я буду спасать тебя от него, если понадобится.

– Ты забываешь, что я тоже агрессивна, – скупой усмехнулась Дарья. – Особенно в моем теперешнем положении.

Малый зал Ремесла был уютным, хоть и претендующим на неброскую роскошь. Стены здесь были обиты бархатом, мебель стилизована под вычурную эпоху рококо, полы устелены мягкими коврами. Уютно потрескивали дрова в большом мраморном камине; на лакированном столе красовалась роскошная фарфоровая ваза с фруктами. Рядом сверкал хрустальными гранями графин с вином и два бокала. Госпожа Ведьм и ее супруг прибыли в Малый зал раньше беспокойного пациента. Дарья с комфортом разместилась на софе, Герцог налил было вина в бокал, но тут дверь открылась, и санитарка ввела неприятного обликом и манерами мужчину по имени Сидор Акашкин. Он оглядел помещение и задрожал. Дарья посмотрела на его потерянное лицо и еще острее почувствовала жалость. Но быстро одернула себя. Главной ведьме не подобала жалость, ей подобала объективность.

– Прошу вас, проходите, присаживайтесь, – сказала Дарья, стараясь говорить так, чтобы ее голос не напугал жалкого человечка. – Мы не причиним вам никакого вреда. Мы те, кого вы хотели видеть.

И тут человечек отколол штуку: бухнулся на колени и так и пополз к Дарье по ковру, однообразно скуля:

— Ма-а-а-атушка, не погуби!

Дополз до кончиков Дарьиных туфель и принялся их лобызать.

– Успокойтесь! – напрасно увещевала болвана Дарья. – Вам не сделают ничего плохого. Да сядьте же вы наконец и оставьте в покое мои туфли!

Приказ возымел действие. Санитарка помогла больному встать и усесться в кресло напротив Госпожи Ведъм. Тут подсутился Герцог:

– Разрешите, милейший, э-э, Сидор, налить вам вина. Исключительно для поддержания разговора.

Сидор что-то мемекнул в ответ. Герцог наполнил его бокал, собственноручно подал. Дарья видела, как вместе с бокалом ее муж передает в руки трясущегося человечка успокаивающее заклинание Трех Камней. Теперь Сидор, выпив вина, будет чувствовать себя спокойнее и увереннее.

Сидор припал к бокалу с вином, как младенец к материнской груди. Когда бокал опустел, в глазах его появилось осмысленное выражение, да и нервная дрожь прекратилась.

– Б-благодарю, – хрипло пробормотал он.

– Не за что, не за что, – игриво ответил Герцог, отставляя бокал. – Как себя чувствуете?

– Гораздо лучше, спасибо, – ответил Сидор и снова обратил взор на Дарью: – Госпожа, я уповаю только на вашу защиту и поддержку.

– Вы получите то, о чем просите, – сказала Дарья. – Но с одним условием. Вы должны все мне рассказать.

— Ничего не утаю! — клятвенно воздел руки Сидор. — Как на духу, госпожа, как на духу!

– Слушаю вас, – кивнула Дарья.

— Я журналист, — заговорил Сидор, и эти его слова прозвучали с некоторой гордостью. —

Я всегда старался держать руку на пульсе событий родного города.

– Это Щедрого?

– Да, Щедрого. Если вам известен этот маленький российский городок...

– Известен вполне. Продолжайте.

– Когда она приехала к ней, я поначалу не обратил на это событие внимания. И только потом догадался: да ведь это они, они!..

– Погодите. Кто такие эти ваши таинственные «они»? Внесите ясность, Сидор.

– Да ведьмы! Молодая – Юля Ветрова, постарше – наша известная колдунья Анна Гюлинг. Юля Анне Николаевне племянницей вроде бы приходится, ну я и стал за ней наблюдать...

– Зачем?

– Так интересно же! Молодая ведьмочка, симпатичная, приехала в наш город. Что она будет делать, чем займется. Как ее ведьмовство проявится... Я, – добавил журналист с тихой горечью, – книгу хотел написать. О российском оккультизме.

– Ну и что же, – сказала Дарья. – Писали бы свою книгу, сейчас все пишут, такое поветрие...

– Так ведь бес! – взвизгнул Сидор Ахашкин.

— Какой бес?

– Который меня попутал. Смутил. И в меня вселился!

– Стоп. Давайте разберемся: бес вас попутал, смутил или все-таки в вас вселился? Нам это действительно важно знать...

– Сначала попутал, а потом вселился, – заявил Сидор. Спокойствия на его лице как будто и не бывало, глазки бежали, губы нервно шевелились.

– Так не бывает, – сказал Герцог, старательно пряча улыбку и наливая Акашкину еще бокал вина.

– Бывает. Со мной бывает, – оттрнул все возражения Акашкин и осушил бокал.

– Ну хорошо, – терпеливо заговорила Дарья, украдкой массируя живот – сидеть было тяжело. – Допустим, так все и было. Но почему вы обратились в ОВС за помощью и, цитирую, предоставлением идеологического убежища?

– Потому что мне страшно, – пугливо клацнул зубами Акашкин. – Потому что я ведьму сжег. Эту. Юлю Ветрову. То есть не я лично сжег, а сидящий во мне бес, но это все равно, все равно... И теперь она хочет меня уничтожить!

– Кто?

– Ведьма. Сожженная ведьма.

– Сидор, в вашем сознании переплелись реальность и вымысел. Во-первых, судя по доставленному мне из Щедрого отчету, вы никого не сжигали. Юля Ветрова добровольно прыгнула в костер. Во-вторых, она не сгорела, а отделалась не слишком страшными ожогами. И если все так, то зачем ей вас убивать?

– Вот и я говорю – зачем, – пугливо озираясь, кивнул Сидор. – А она меня за самого главного злодея почитает... Знаете, что я еще думаю?

– Что? – утомленно спросила Дарья.

– Что бес не только в меня вселился. Что теперь он из меня выселился, а вселился в ведьму эту самую, в Юлю.

– Знаете, Сидор, – задушевно начал Герцог, – не все так просто с природой тех самых бесов, о которых вы говорите...

Но тут речь Герцога была прервана самым недвусмысленным образом.

Двери комнаты, в которой происходило это собеседование, медленно отворились. И по воздуху в комнату величаво вплыл большой магический кристалл связи, расточая окрест себя ослепительное сияние.

– Это кому же я понадобилась? – удивилась Дарья и пальчиком поманила кристалл к себе.

Кристалл покорно подплыл и завис в метре от пола. Дарья провела над ним ладонью, убирая помехи и делая связь более четкой.

– Госпожа Ведм у аппарата, – сказала она внушительным тоном. – Кому потребовалось меня беспокоить?

– Благословенны будьте, Госпожа! – раздался из кристалла звонкий девичий голосок. – Это ведьма Улиания, мирское имя Юля Ветрова...

– Как неожиданно! – изумилась Дарья. – А мы только что о вас говорили, Улиания. Что вам угодно?

– У меня к вам небольшая просьба, Госпожа Ведм. – В голосе девушки слегка зазвучал металл.

– Я вся внимание.

– Насколько мне известно, во Дворце Ремесла сейчас находится человек, который нужен мне. Его имя Сидор Акашкин.

При этих словах несчастный журналист полиловел, сполз со стула и попытался спрятаться под столиком с закусками.

– Да, – сказала Дарья спокойно, – Сидор Акашкин является официальным гостем Дворца Ремесла. И мне он необходим ничуть не менее, чем вам, Улиания.

– Значит, вы не хотите его отпускать? – прозвенел кристалл.

– А чего ради я должна его отпускать? – ележно осведомилась Госпожа Ведм. – Господин Акашкин был перемещен во Дворец Ремесла по его личной просьбе. Также он попро-

сил идеологического убежища, а это значит, что сейчас господин Акашкин находится под юрисдикцией Испании.

– Мне нет дела до того, под чьей юрисдикцией находится Акашкин! – гневно взвился голосок Юли. – Я намерена заполучить его, и заполучу. Чего бы вам это ни стоило!

– Мне кажется, вы несколько вольны в формулировках, детка... – Голос главной ведьмы метализировался до предела. Казалось, сейчас с губ Дарьи Белинской посыплются ледяные искры. – Чего бы нам это ни стоило?

– Именно так! Госпожа, вы забыли, что в Щедром сейчас находится ваша сестра, Марья Белинская, и я могу взять ее в заложницы...

– Ах ты дрянь! – взвилась Дарья.

– Дорогая, спокойнее, – коснулся плеча супруги Герцог. – Позволь поговорить мне. Улиания, могу я говорить с вами?

– А кто вы?

– Я Герцог Ведьм Рупрехт фон Майнгаммер.

– Для меня большая честь говорить с вами, ваша темнота. Однако если вы надеетесь меня переубедить, то ваши намерения тщетны. Выдайте мне Сидора Акашкина, и дело с концом!

Герцог Рупрехт добавил обаяния в голос:

– Да зачем вам сдался этот человечек? Видел я его – весь на нервах, дрожит, плачет, в обмороки падает. Разве это достойный вас противник, Улиания?

– Я хочу ему отомстить за свое поругание, и я отомщу.

– Отомстить? Каким образом?

– Я убью его.

– Поверьте, Улиания, он недостоин получить смерть из ваших рук...

– А Марья Белинская? – спросила Юля.

– Что? – в один голос спросили Герцог и Дарья.

– А Марья Белинская достойна получить смерть из моих рук? – холодно осведомилась Юля Ветрова, ведьма Улиания.

– Проклятье! – вскричала Дарья. – Да как ты смеешь, девчонка!

– Смею, – спокойно сказала Юля. – Козыри у меня в руках, госпожа. Отдайте Акашкина. Он вам никто. А Марья – сестра. Я действительно могу убить ее, если не получу того, что хочу.

– Тебе не удастся шантажировать меня, маленькая дрянь! – закричала Дарья. – Знай, что моя сестра находится под защитным заклятием, которого тебе не расплести! Ты ничего не сумеешь сделать!

– Значит, не отдаете Акашкина?

– Нет! Это противоречит всем принципам ведьмовского человеколюбия! Акашкин – психически больной человек, его необходимо лечить...

– Я бы его вылечила. Что ж. Будем считать, что пока переговоры результатов не дали. Возможно, вы будете сговорчивее, госпожа, когда услышите голос своей сестры.

Кристалл потух. Дарья сидела в кресле, яростно сжимая кулаки.

– Рупрехт, – тихо сказала она мужу. – Я не брежу?

– К сожалению, нет, дорогая. Тебе только что бросили вызов. Весьма определенный вызов.

Глаза у Дарьи засветились так, что сами собой стали вспыхивать свечи в настенных канделябрах.

– Я поверить не могу! – простонала Дарья. – Влипнуть в историю из-за какого-то насекомого!

– Ты про Сидора?

– Я про Юлю. И есть-то жужелица бескрылая, а туда же...

– Похоже, она не жужелица, похоже, она вполне сильная ведьма. Осознающая свою силу и так далее. Ты подумай – мылится прямиком убить нашего героического журналиста. Кстати, где он?

Журналист обнаружился под столом, всхлипывающий и несчастный.

– Вы ведь не отдадите меня этой ведьме, правда? – спросил он, когда сиятельный Герцог Рупрехт извлек его из-под стола и налил бокал вина.

– А с какой стати? – спросила Дарья.

– Что?

– С какой стати я не должна вас отдавать, господин Акашкин? – поинтересовалась Госпожа Ведьм. – Да, мы предоставили вам убежище, но это еще ничего не значит. Под угрозой оказывается жизнь моей сестры, и если приходится выбирать...

– Поверьте, вашей сестре ничего не грозит! – пылко воскликнул Акашкин. – На ее защиту встанут все ведьмы города Щедрого, тогда как меня, кроме вас, и защитить некому.

– А вас следует защищать? – спросил Герцог Рупрехт.

– Да, если вам нужно это... – прошептал Сидор.

– Что – это? – спросила Дарья удивленно.

И тут Сидор весь надулся, как высокопоставленный чиновник. И принялся расстегивать рубашку.

– Избавьте меня от зрелища вашей волосатой груди, господин Акашкин, – брезгливо косясь на журналиста, сказала Дарья.

Грудь у журналиста и впрямь была волосатая. Он неожиданно ласково погладил ее и забормотал-заворковал:

– Вылезай, вылезай, маленькая, не бойся, здесь все свои...

– Дарья! – воскликнул Рупрехт. – Ты только погляди!

Сквозь грудь Акашкина явственно проступало бриллиантовое свечение, с каждой секундой становясь все ярче и приобретая некие очертания. И вот наконец нечто сверкающее отделилось от груди Сидора, проползло у него по руке и уютно устроилось на ладони.

– Вот, – ласково сказал Сидор. – Она меня любит.

– Святая Вальпурга! – прошептал Рупрехт. – Как вам удалось заполучить Королеву солитеров, Сидор?

– Что? – изумилась Дарья. – Я не ослышалась? Королева солитеров?

– Да, это Королева, – благоговейно проговорил Герцог. – Судьба ее была неизвестна, многие маги считали, что Королева больше никогда не возродится, но вот – она жива. Жива! Повелительница отравителей жизни, владычица самых таинственных убийц и губителей в мире появилась вновь!

– Это... страшное чудо. – Дарья, казалось, хотела коснуться прелестного бриллиантового червячка на руке Сидора и брезговала и пугалась. – Королева солитеров, властительница клана Ленточников... Чего еще я о ней не знаю, Рупрехт?

– Того, что появление Королевы солитеров, как правило, сопровождается эпидемиями и прочими экологическими катастрофами. Стоит лишь Королеве пожелать – и плоть еще живых коров начнет кишеть червями. И если бы только коров... – добавил Герцог Рупрехт. – Так как она попала к вам, Сидор?

– И сам не пойму до конца, – покачал головой журналист. – Только когда был тот костер окаянный, одна искорка на грудь мне попала. Рубашку прожгла. Ну я сначала ничего – ожог и ожог. Не до того было. В глазах все стояло – как та ведьмочка горела. Ох, как я желал тогда, чтобы все обошлось и ведьмочка жива осталась! А потом у меня грудь в месте ожога начала чесаться. Ну просто спасу нет. Я к зеркалу – думаю, может, волдырь какой. И вижу – из груди у меня головка торчит. Алмазная. Я чуть в обморок не хлопнулся. А головка и

говорит человеческим голосом: «Не бойся меня, Сидор Акашкин. Я Королева солитеров, я тебе первый друг и никогда тебя не покину, потому что полюбила тебя за доброе сердце».

– Прямо так и сказала?

– Так и сказала, – тоненько пропищал алмазный червячок. – Я такого, как Сидор, веками искала. Я в его сердце гнездышко себе свила. Будем мы с Сидором жить-поживать, друг друга радовать. Теперь вы понимаете, почему нельзя Сидора отдавать этой ведьме? Если она Сидора уничтожит, погибну и я.

– Но разве вы, ваше величество, не можете выбрать себе, мм, другого носителя?

– Как можно? – удивилась Королева солитеров. – Я вылупилась из биогенетической искры прямо в груди Сидора, а значит, полюбила его навечно. Сидор – хороший человек. Спокойный, добрый, осторожный. Не зря он попросил убежища у вас в Толедо. Он знал, где нам не откажут. Вы ведь не откажете нам в защите?

– Конечно, не откажем, – кивнула Дарья, понимая, что делает шаг в пропасть. – Но разве вы, ваше величество, не обладаете должной властью и силой?

– Пока не обладаю, – сказала Королева. – Я еще очень мала и слаба. Должна пройти сотня лет, прежде чем я и мой Сидор станем сильными и непобедимыми.

– А Сидор проживет столько? – спросил Герцог.

– Проживет, – ответила Королева. – Я уж постараюсь. Только вы не выдавайте Сидора этой ведьме. Она уничтожит нас! Заклинаю вас силой, что будет мне дана! Если вы не подведете нас, я, ставши сильнее, исполню любые ваши желания.

– Вот, теперь вы поняли? – спросил Сидор. – Я не за себя боюсь, а за Королеву.

– Ну хорошо, а что же вы нам тут безумного изображали?

– Специально, – улыбнулся Сидор. – Чтоб вы меня не выгнали. А что, хорошо у меня получилось, выразительно?

– Куда уж лучше, – фыркнула Дарья. – Мы уж не знали, чем вас и лечить.

– Вы, главное, не отдавайте нас ведьме, – сказал Сидор.

– Что ж, вы так и будете жить в Толедо ближайшие сто лет? – поинтересовался Герцог Рупрехт.

– Зачем? – пожал плечами Сидор. На одном его плече, будто алмазный аксельбант, повисла Королева ленточных червей и прочих мировых паразитов. – Мы пробудем здесь до тех пор, пока не уймется эта ведьма. А мне кажется, уймется она очень скоро, когда поймет, какие силы ей противостоят. – Сидор хихикнул и полез под стол.

– Что ж, – напряженно промолвила Дарья, – будем надеяться.

Глава 3 БЕЗ СЛУХА

Юля прицелилась и швырнула в Данилу собственной модельной босоножкой. Данила ловко уклонился, и босоножка угодила на ветку черноплодной рябины. Дело происходило в городском саду, черноплодной рябины было здесь сущее изобилие, но ни Данилу, ни тем более Юлю это обстоятельство не радовало. Более того, юная ведьма находилась в том градусе праведной ярости, когда сметание городов и целых цивилизаций с лица земли является безобидным развлечением.

– Юленька, – ласково проговорил Данила. – Успокоилась бы ты, а?

Но юная ведьма раскочегарилась не на шутку:

– Уничтожу! Я им кто – девочка-первоклассница?! Как они смеют со мной так разговаривать?! Лицемерные святоши!!!

Алые рожки на голове юной красавицы горели семафорным огнем. Юля сняла вторую босоножку и снова запустила ее по адресу Данилы. Промазала, огляделась в поисках предметов, подходящих для кидания, ничего не нашла и запыхтела от злости, как перегревшийся чайник.

Данила, по ходу дела укрывавшийся в рябиннике, подобрал босоножки, но возвращать хозяйке поостерегся, ожидая возобновления метательных рефлексов. Закусил рябиной (она была зрелая и сочная) и принялся успокаивать подругу:

– Юля, угомнись. Что такого страшного произошло?

– Госпожа Ведьм отказалась выдать мне Сидора Акашкина!

– Да на что тебе сдался этот несчастный журналист?!

– Он мой заклятый враг! Я должна его убить! Ведь это из-за него у меня все лицо в шрамах!

– Акашкин ни при чем, ты же знаешь, – сказал Данила, жуя терпкие ягоды. – В него вселилось нечто враждебное, и именно это нечто... Между прочим, я думаю, что и в тебя сейчас нечто вселилось. Раньше ты никогда бы не позволила себе кидаться босоножками! И вообще весь твой вид...

– А что мой вид? – подбоченилась Юля.

– Жуткий. Эти рога на голове... Купальник и колготки в сеточку. Ты выглядишь как вокалистка группы, исполняющей старый готический рок!

– А тебе не нравится старый готический рок?

– Мне не нравятся рога на голове! Сними!

– Не сниму! Вообще наколдую так, чтобы приросли!

– Дуреха. Что с тобой творится? – Данила вышел из кустов, подошел вплотную к Юле, уронил босоножки и положил ей руки на плечи, пристально заглянул в глаза.

Юля вызывающе сверкнула очами:

– Я тебе не хомячок, Крысолов, чтобы проводить на мне свои эксперименты!

– Да никаких экспериментов я не провожу, опомнись, что за чепуху ты несешь... Я просто хочу понять, что с тобой случилось. Почему ты стала такой...

– Какой?

– Мм... Бешеной и неуправляемой.

– Ах вот как, да? – Юля вспылила было, но вдруг плечи ее поникли и она заплакала. – Данилка, я сама не понимаю, что со мной происходит!

– Расскажи.

– Я... я будто изнутри вся выгорела, понимаешь? И вместо выгоревшей у меня теперь другая душа и другое сердце. Они шепчут мне: «Будь первой, никому не давай спуска, уничтожай всех, кто стоит на твоём пути». Разумом я понимаю, что это гнусно, подло и грязно, но что-то как будто толкает меня. Данила-а-а!

Она прижалась к груди юноши и зашлась в плаче.

– Юля, ты успокойся, мы найдем способ бороться с этим. Ты снова станешь прежней... Что?!

Юля не плакала, она хохотала взхлеб. Отняв лицо от груди Данилы, она смеялась, и змеиный зеленый свет горел в ее глазах.

– Дурак ты, Данила! – резко сказала девушка, отстраняясь. – Все, что я тебе говорила...

– Ложь?

– Нет, правда! Только она мне нравится! Мне нравится быть такой – безумной и злой. И пугать всех вас! Ведь вы боитесь, не так ли? Боитесь, не натворю ли я в Щедром чего-нибудь такого... А я вот возьму и натворю! Так что этот город долго еще будет меня помнить! И Акашкина я убью собственными руками – запросто!

Данила оттолкнул Юлю:

– Опомнись, что ты говоришь!

– А, такая я тебе не нравлюсь? – с кривой усмешкой Юля подобрала босоножки и нацепила их на ноги. – А зря... Ты мог бы многое узнать вместе со мной... Запретную страсть, удовольствия плоти, такие, какие и не снились всяким там праведникам. Если б ты знал, как мне хочется быть развратной, мальчик мой!

– Прекрати!

– Прекращаю, прекращаю. – Юля поправила спавшую с плеча бретельку купальника. – С таким праведником, как ты, у меня ничего не выйдет. Придется поискать себе приятеля в другом месте.

– Юля!

– Не кричи, Крысолов, – насмешливо сказала Юля. – Я уже ухожу. Я буду гулять по городу и искать единомышленников. И еще. Я буду карать тех, кто задумает мне помешать. Я сильная ведьма, Данила, и не советую тебе испытывать мою силу.

– Не пугай.

– Я и не пугаю. Я делаю прогноз: скоро в этом городе все будет по-другому. Так, как мне захочется.

Юля отломил от ближайшего куста пышную ветку, оседлала ее и улетела, на прощанье оделив Данилу легким подзатыльником.

Данила несколько секунд смотрел вслед столь разительно изменившейся возлюбленной, а потом достал мобильный телефон:

– Анна Николаевна, это Данила. Юли со мной нет, она улетела. Как же, была. Обещала всем нам страшные кары. Куда улетела? Нет, она не сообщила мне точного маршрута. Похоже, она собирается объявить войну всему городу, потому что ей не выдали Акашкина. Знаете, Анна Николаевна, по-моему, теперь Юля меня терпеть не может. Я совершенно не имею на нее влияния. Да и магия у нее сильнее моей. Она просто искрится этой магией, даже страшно. Могу ли я определить источник магии? Нет, на это я не способен. К тому же... Боюсь, что скоро Юле совсем наскучит мое общество...

Эти слова Данила произнес будто поневоле. Не хотелось ему сознаваться в том, что для ведьмы Юлечки он потерял всякий интерес, и нарочно намекал Анне Николаевне, мол, вмешайтесь, внесите позитивные изменения в наши жизни! Нет, Данила был здравомыслящий человек и понимал: не до того сейчас Анне Николаевне, не до латания чужих прорех на судьбах. Племянница распоясалась так, что горе всем живущим!

Данила вышел из зарослей черноплодной рябины и, насвистывая менуэт Боккерини, зашагал по уютной парковой тропинке. И тут на него свалилось приключение.

Впрочем, и приключением-то это не назовешь. Какой-то хам и подонок выхватил у девушки сумочку и намылился дать деру. И тут как раз наткнулся на Крысолова.

Сильной магией Данила не обладал, но на таком вот повседневно-примитивном уровне имелся у него небольшой запас заклинаний.

– Замри, – сказал грабителю Данила. Грабитель замер, бешено вращая глазами.

Данила спокойно взял из оцепеневших рук сумочку и передал девушке:

– Посмотрите, все на месте?

Девушка подавила всхлип, заглянула в сумочку:

– Да, все на месте, спасибо. А я вас знаю. Вы Данила Крысолов.

– Я тоже вас знаю, – улыбнулся Данила. – Вы фея, и зовут вас Катя. Вы работаете в магазине «Яблоко Париса».

– Верно.

– Сильно этот негодяй вас напугал?

– В общем да. Я даже не ожидала, что белым днем в парке – и вдруг такое. У меня в сумочке и ценного-то ничего не было, только важное: справки от терапевта, рецепты на лекарства...

– Вы болеете? – удивился Данила.

– Нет, – смутилась Катя. – Я просто... просто анализы сейчас сдаю всякие. На свою фейность.

– То есть как?

– Ну, на сколько процентов я фея. И на сколько – человек. Для меня это очень важно.

– Я верю. Простите за любопытство.

– Да ничего. Просто эта реклама... Я не удержалась.

– Какая реклама?

– Вот.

Катя достала из сумочки сложенную вчетверо яркую газету. Развернула, ткнула пальчиком в низ страницы:

– Читайте.

Данила прочел:

– «Клиника лазерной медицины доктора Мелешко. Любые операции. Особое предложение для фей – наращивание крыльев». Вы хотите нарастить себе крылья?

– Да. Попробовать. Вдруг получится?

– Но это, наверное, дорого...

– Я говорила с Анной Николаевной – она даст мне денег в долг. Я потом отработаю. Ой!

– Что?

– Я думала, он уже испарился, а он до сих пор стоит. Грабитель-то.

– Конечно, стоит. Я же его заклятием связал. Слушай, парень, больше не воруй дамских сумочек. Иначе будешь иметь дело со мной. Отомри!

Парень задвигался. Пустив в адрес Данилы и Кати длинную тираду из отборной брани, он поспешил удалиться. Только кусты затрещали.

– Вы куда идете? – спросил Данила у феи. – Давайте я вас провожу. Может, на сегодня лимит грабителей еще не исчерпан.

Катя засмеялась:

– Ну проводите! Тем более что с вами интересно разговаривать, Данила. Расскажите, как вы зверей приманиваете. Мы, феи, тоже что-то подобное умеем...

Итак, Данила пошел провожать фею Катю из парка. И с этой парой нам пока более-менее все ясно. А вот куда отправилась на своем импровизированном помеле прелестная злодейка Юля? Уж не вершить ли новые злодейства?

А и вершить, еще как вершить! Злодеечка наша, можно сказать, только вошла во вкус! И ей еще многое предстоит!

...«Припарковав» истрепанную ветку у калитки дома Анны Николаевны, Юля, сверкая не очень чистыми пятками и алыми рожками на голове, направилась в дом. Дом при виде Юли как-то съежился, и даже обширный сад притих, перестал шуметь листвой, а цветы попридержали свой аромат.

Юля вошла в дом.

– Есть кто живой? – зычно крикнула она.

Навстречу ей из щели в полу выползли две японские мышки. Посмотрев на Юлю с крайним осуждением, мышки проследовали в сторону кухни.

– Мышей уничтожу, – пробурчала Юля себе под нос. – Ишь, таскаются.

– Ты что-то сказала?

Из кухни вышла Анна Николаевна Гюллинг. Была она одета по-домашнему, но все равно сохраняла царственность осанки. Царственность Анне Николаевне придавала также шумовка, которую эта дама держала в руке наподобие скипетра.

– Добрый день, Юля, – сказала Анна Николаевна. – Ты вернулась? Лапшу будешь?

– Мерси, – ядовито отозвалась девица. – Лапши мне за всю мою жизнь и так предостаточно навешали на уши. Юля, будь хорошей, Юля, люби человечество... Коньяк у вас найдется?

– Ну, допустим, найдется, – невозмутимо ответила Анна Николаевна. – Но положено ли молодой девушке пить коньяк в такое время дня? Это не комильфо.

– Я теперь сама устанавливаю для себя правила и порядки, – бросила Юля. – Дайте коньяку.

– А где «пожалуйста»?

– Пожалуйста.

– То-то. Совсем ты испортилась за последнее время, Юля...

Анна Николаевна отпустила шумовку, и та повисла в воздухе, дрейфуя, как яхта. Общими руками Анна Николаевна совершила замысловатый пасс. Когда она сомкнула руки, словно обнимая пальцами нечто округлое, меж ее пальцев золотисто засветилась пузатая бутылочка «Арарата». Старшая ведьма раскрыла ладони:

– Вот тебе коньяк. Может быть, пройдем на кухню или так и будешь в коридоре из горла пить?

– Опять скажете, что не комильфо.

– Скажу. Даже у злой ведьмы должен быть свой шарм. Свое кокетство. А без этого...

– Что?

– Сама понимаешь. – Анна Николаевна уже вошла в свою обширную роскошную кухню-столовую, поневоле понудив Юлю плестись следом. В столовой Анна Николаевна поставила коньяк на стол, щелчком пальцев заставила лимон нарезать, а коробку шоколадных конфет – выкарабкаться из буфета и открыться. Вслед за коробкой на стол водрузились два пузатых золоченых бокальчика.

– Вот теперь, – сказала Анна Николаевна, – можно и выпить.

Они с Юлей сели друг против друга. Можно было даже невооруженным глазом увидеть, как окружает Юлю радужное магическое сияние. Анна Николаевна молча покачала головой на это безобразие и разлила по бокальчикам коньяк.

– Без тоста пить не годится, – заметила она. – Я хочу выпить за то, чтобы ты, Юля, нашла себя.

– Тост немного опоздал, – усмехнулась Юля. – Я уже нашла себя. Ну что ж. Пью за то, чтобы я себя не потеряла.

Ведьмы чокнулись бокалами и выпили, причем Юля даже не поморщилась. Она, негодница, и тут учудила штуку: взяла и выдохнула облачко голубоватого пламени. Ну никаких приличных манер!

– Итак, – заговорила Анна Николаевна, когда облачко развеялось. – Каковы твои планы? Чего ты хочешь?

– Вообще или в частности? – посерьезнела Юля.

– И то и другое.

– Хорошо. Я скажу. Вы все ж таки моя тетя, открывшая во мне ведьмовской потенциал. Неправильно вас держать в неведении! Итак. В частности, я хочу прикончить этого уродца по имени Сидор Акашкин. Мне это жизненно необходимо. Кем я буду, если начну спускать оскорбления и попытки меня уничтожить?!

– Но Сидор...

– Не перебивайте, тетя. Я сказала, что убью Сидора, и я это сделаю, чего бы мне это ни стоило.

– Но где твое милосердие? Ведьма не должна быть жестокой.

– Чепуха. Ведьма может быть такой, какой ей заблагорассудится. Именно ведьмы, тетя, стоят по ту сторону добра и зла. Неужели вы не понимаете этой простой истины?

– Да, мне этого никто не объяснял, – протянула Анна Николаевна. – Но что же будет дальше? После того как ты прикончишь Сидора Акашкина?

– Я стану мэром города Щедрого, – спокойно сказала Юля.

Анна Николаевна чуть не подавилась лимоном.

– Что? Ты это серьезно?!

– Абсолютно, – небрежно повела плечом Юля. – Только не говорите мне, что я не достигла возраста, в котором положено избираться в мэры, что за меня не проголосуют и так далее. Это все мелочи. Возраст – дело наживное. Между прочим, некоторые императрицы были очень даже юными, а я всего-навсего собираюсь баллотироваться в мэры. А насчет элеватора...

– Ты, вероятно, хотела сказать «электората».

– Да, так вот насчет электората. В Щедром много паранормальной молодежи – она меня поддержит. Вот видите, я все продумала.

– Да, продумала, ничего не скажешь, – медленно произнесла Анна Николаевна. – Только ты не учла одного. Старые ведьмы тебя не поддержат.

– Старые? Это такие, как вы, что ли?!

– Хотя бы.

– О, эту проблему я решу.

– Каким же образом? – Анна Николаевна была мудрой ведьмой и покуда решила не выходить из себя.

– Я узнаю, где находятся болевые точки каждой ведьмы, чего они больше всего боятся, что ненавидят, перед чем пасуют. И... вуаля!

– Не понимаю тебя.

– Сейчас поймете. Вот вы, Анна Николаевна, больше всего боитесь потерять свой абсолютный музыкальный слух. Разве не так? Кто вы без музыкального слуха? Как вы станете преподавать, играть на фортепиано... А между тем лишить вас этого дара – дело простейшее.

– Не смей, девчонка! – вскричала Анна Николаевна. – Знай свое место: тебе никогда не стать первой среди нас!

– Ах так! – Юля вскочила из-за стола. Сплела пальцы сложным узором и заговорила монотонно: – Изреель, авеш-но-кони, нить незримую протяни. Обвей этой нитью горло ведьмы... ведьмы... Анны!

Пых! В воздухе словно вздулся и лопнул огненный шар! Но Анна Николаевна стояла спокойно.

– Ты не сможешь сплести против меня заклятие, – сказала она. – Ты не знаешь моего Истинного Имени. Как, впрочем, не знаешь и Истинных Имен других здешних ведьм. Вот в этом ты просчиталась, деточка.

– Будьте вы прокляты! – вскричала Юля и швырнула в Анну Николаевну пригоршней молний.

Молнии не достигли цели. Анна Николаевна выставила вперед ладонь словно щит, и молнии, столкнувшись с ладонью, осыпались на землю, звеня как медяки.

– Проклятия не помогут, – медленно сказала Анна Николаевна. – Во-первых, ты не умеешь составлять правильных долгодействующих проклятий. А во-вторых, ведьмы, против которых ты начинаешь свою детскую войну, ждать не будут.

– То есть?

– То есть жди войны в ответ. Думаешь, Баба Зина Мирный Атом позволит тебе верховодить ею? Даже и не надейся! Это с виду она такая... простоватая. А на самом деле могучая колдунья.

– Не верю, – скривилась Юля. – А знаете почему?

– Почему же?

– Потому что, будь вы могущественными, вы бы давно уже стояли у власти в этом городе! Вы бы – правили!

Анна Николаевна раздумчиво покачала головой.

– Веский аргумент, – наконец сказала она. – Но на деле он ничего не стоит. Видишь ли, дорогая племянница, на самом деле настоящие ведьмы вовсе не стремятся к власти. Кстати, в прошлый избирательный срок у нас был мэром колдун. Он так всем надоел своим должностным колдовством, что его переизбрали раньше положенного срока.

– Не верю, – повторилась Юля. Рожки на ее голове пламенели как два китайских фонарика. – Настоящие ведьмы всегда хотят быть у власти! Кто правит ведьмами? Ведьма! Эта, которая в Толедо... Не думаю, что она не хочет власти! Анна Николаевна, то, что вы говорите, просто наивно. Может быть, власти не хотите лично вы, хотя я сильно в этом сомневаюсь. Но другие ведьмы пойдут за мной, потому что они жаждут владеть и управлять. И я дам им эту возможность.

– Как, глупая девчонка?

– Узнаете со временем, – сказала Юля. За разговором она почти в одиночку прикончила бутылочку «Арарата» и теперь смотрела осоловело. – Я п-потом начну всех ставить по местам. А сейчас мне просто необходимо выспаться. Я давно не спала с тех пор, как вышла из комы, хи-хи.

– Что ж, выспаться так выспаться, – осторожно произнесла Анна Николаевна. – Тебе помочь подняться наверх?

– Мерси, сама справлюсь, – невнятно пробормотала Юля. От нее разило коньяком и лимонами. Девушка встала, лениво взмахнула руками и захихикала: – Пилотируюсь в спальню! Вперед и вверх!

Ноги ее при этом оторвались от земли, и Юля полетела. Летела она, правда, тяжело и неграциозно, но важен сам факт.

– Дверь, откройся, – немедленно приказала Анна Николаевна, и запертая дверь в спальню приоткрылась, пропуская пьяненькую всемогущую колдунью. Не сотвори заклинания Анна Николаевна, Юля бы крепко приложила о дверь, но это мелочи.

Юля дотряхала по воздуху до своей кровати и тяжело завалилась в нее. Ее босые грязные ноги перепачкали свежестеленные простыни, но Юля этого уже не заметила. Она спала крепким хмельным сном. Алый свет рожек погас, теперь это было обычное украшение на хеллоуин...

Анна Николаевна некоторое время посидела внизу, допивая чай с остатками коньяка. На лице ее были написаны самые противоречивые размышления. Наконец она пробормотала: «Нет, одна я не справлюсь с этим» – и встала из-за стола. Перешла в кабинет, где на столе по-прежнему красовался накрытый парчовым покрывалом магический кристалл. Анна Николаевна заперла за собой дверь не только на врезной замок, но и на пару магических заклятий, после чего сняла с шара покрывало. Шар тут же засветился приятным изумрудным светом.

– Вызываю ведьму Марию Белинскую, – объявила Анна Николаевна негромко. – Кристалл, яви мне ее.

...А надо сказать, что в это самое время Марья Белинская вела весьма приятный, перемежаемый поцелуями и пожатиями рук разговор с владельцем чайного дома «Одинокый дракон» господином Чжуань-сюем. Разговор вообще грозил перейти в стадию «изнывающий дракон лижет сердцевину персика», но тут легкий звон в воздухе возвестил нашим влюбленным, что за ними наблюдают.

– погоди, Чжуань, – сказала Марья, с сожалением высвобождаясь из объятий мужчины-дракона. – Похоже, кого-то из нас ищут и вызывают.

– Меня не могут искать по кристаллам, – сказал Чжуань-сюй. – Скорее всего, это тебя, Машенька.

Марья Белинская повела в воздухе ладонями, словно протирая невидимое окошко. И перед ней высветился зеленоватый овал света, в этом свете Марья увидела встревоженное лицо Анны Николаевны Гюллинг.

– Анна Николаевна, что случилось? – спросила Марья.

– Юля, – кратко сказала Анна Николаевна. – Юля «случилась». Маша, мне необходимо поговорить с вами. О, господин Чжуань-сюй, приветствую вас, простите, что раньше не заметила!

– Я не люблю мешать приватным беседам, – склонил голову дракон.

– О, господин Чжуань-сюй, боюсь, тема этой беседы касается и вас, – сказала Анна Николаевна. – Нам нужно встретиться. Немедленно.

– Предлагаю у меня в чайной. Я приготовлю чай и кальян. Как скоро вы прибудете, Анна Николаевна?

– Через пять минут буду у вас. Мое помело стало плохо заводиться.

Пока текли эти пять минут, Марья привела в порядок расстегнутую блузку, а Одинокый Дракон (так мы будем иногда называть Чжуань-сюя) принялся за приготовление чая и кальянов.

Наконец помело Анны Николаевны зависло в воздухе непосредственно над крышей чайной. Зависло и ни в какую не хотело спускаться ниже.

– Ах, чтоб тебе! – в сердцах сказала Анна Николаевна помелу, слезла с него и осторожно, мелкими шажками, начала передвигаться по воздуху, твердя особое заклинание. Это заклинание сгущало воздух до плотности картона, но даже по картону идти приходится с вящей тщательностью.

Кое-как, поминутно поминая святую Вальпургу, Анна Николаевна спустилась на грешную землю и очутилась перед гостеприимно распахнутыми дверями чайной.

Навстречу вышел, кланяясь, Одинокый Дракон.

– Мы уже ждем, ждем, – благодушно улыбался он.

– О, как я вам благодарна! – сказала Анна Николаевна. – Моя метла зависла над вашей крышей.

– Снимем, – махнул рукой Одинокый Дракон. – Проходите, располагайтесь.

Анна Николаевна вошла в полутемный, наполненный ароматами чайный зал. К ней подошла Марья Белинская. Ведьмы обнялись.

– Так что же все-таки стряслось? – спросила Марья у Анны Николаевны, как только они уселись на подушки и хозяин принес чаю, сладостей и пару кальянов. Чжуань-суй расположился рядом с Машей, замерцал бронзово-зелеными глазами...

– Что стряслось... – эхом повторила Анна Николаевна. – Проблемы с Юлей. Маша, эта девочка совершенно переменялась после костра.

– Возможно, это последствия стресса, – сказала психологически подкованная Маша.

– Сомнительно. Я сегодня разговаривала с Юлей. Да, во-первых, она совершенно переменялась внешне. Наряд абсолютно неприличный даже для такой вольной профессии, как ведьма. Чулки в сетку, красный купальник...

– О? – с интересом округлила глаза Марья.

– Но даже не в этом дело, не в наряде. Юля вбила себе в голову, что должна прикончить Сидора Акашкина, потому что, дескать, он виновен в ее несостоявшейся гибели. Но и это не самое ужасное.

– Что может быть ужаснее убийства человека?

– Власть над телами и душами десятков, сотен, тысяч, – сказала Анна Николаевна. – Юля жаждет власти. Она хочет стать мэром Щедрога.

– Вот оно что, – протянула Марья. – И почему всех несостоявшихся ведьмочек тянет во власть? Ни колдовать толком не умеют, ни политэкономии не знают, а туда же...

– Ну, допустим, колдовать-то Юля умеет как, пожалуй, мало кто, – вздохнула Анна Николаевна. – Вспомните, какой у нее потенциал. Она ведь даже смогла расплести заклятие вашей сестры. Помчите, вы мне говорили?

– Помню, но заклятие было простенькое...

– Да какое б ни было! Самое ужасное – она чувствует себя всемогущей. Непобедимой. Она уверена, что добьется своего. И ее не страшит ни потеря друзей, ни возможные противники. Ничего.

– Она ведь и вас может заколдовать, Анна Николаевна, – предположила Маша. – И меня.

– Не сможет. – Одинокый Дракон осушил восьмую чашку с зеленым чаем. – Пока не узнает ваших Истинных Имен. А как ей это удастся?

– Очень просто, – безжизненно сказала Анна Николаевна. – В руках у Юли Лунная арфа элементарей. Она может вызвать какого угодно духа и через него...

– Полагаю, она не додумается до такого, – напряженно произнесла Марья Белинская. – Все-таки управление элементом – это вам не полет на помеле...

Анна Николаевна сделала глоток и, ахнув, чуть не выронила чашку.

– Что?! – вскрикнула Марья.

– Ей даже не надо пользоваться Арфой, – обреченно покачала головой Анна Николаевна. – Достаточно просто в одном из моих книжных шкафов найти мою Книгу Теней. Там все: заклинания, опыты... И мое Истинное Имя. Прямо на первой странице. Маша, я боюсь, что она со мной что-нибудь сотворит! Ведь я ее первый противник, главный противник!

– Нет, ее главный противник Акашкин.

– Акашкин? Что вы! Это жертва, всего лишь жертва. А от меня... Юля чувствует, как от меня исходит неприятие ее теперешнего образа жизни. Она постарается со мной разделаться. Уверю вас.

– Не бойтесь раньше страха, – сказала Анна Николаевна Марья. – Хотите защитное поле?

– Не поможет, – вздохнула Анна Николаевна. – Итак, что же мы имеем? Юля в любой момент может нанести удар по Сидору Акашкину, по мне...

– И по мэрии, – добавил Одинокый Дракон. – Не забывайте, там сидят ее противники, мешающие занять пост мэра.

– Да, верно. Надо мчаться в мэрию, предупредить охрану, секретаря мэра...

– Погодите мчаться. Может, все это наши домыслы? Юля сейчас спокойно спит после оглушительной дозы коньяку...

– А вот в этом вы ошибаетесь! – раздался посреди чайной звонкий девичий голосок.

– Юля?! – одновременно выдохнули все.

Но это была не совсем Юля. Это был ее морок, прекрасно созданный. И вот что морок сказал нашим героям:

– Готовьтесь к войне. А именно – войне со мной. Кто не на моей стороне, тому приходит полная крышка. А вам, Анна Николаевна, спасибо за подсказку, только она опоздала. Я раньше, чем вы об этом подумали, нашла вашу Книгу Теней. И нашла ваше Истинное Имя... сестра Амидаль.

– Что ж теперь, сестра Улиания? – спросила Анна Николаевна, не меняясь в лице.

– Я выполняю свое обещание, – засмеялась девушка. – Я лишаю вас музыкального слуха. Покрутитесь-ка теперь на своей престижной работе. Потом умолять меня придете: Юля, верни слух. А я и верну, я же не зверь. Но в обмен на голову Сидора Акашкина.

И тут морок развел руками, хлопнул, пробормотал что-то... И Анна Николаевна с ужасом поняла, что действительно лишилась музыкального слуха, своего абсолютного преимущества над остальной, менее музыкальной частью населения.

– За что? – вскричала Анна Николаевна. – Что плохого я тебе сделала, дрянь ты этакая!

– А хочется мне так, – засмеялся морок и начал постепенно растворяться в воздухе. – У каждого должно быть свое место в этой жизни. Вы свое место потеряли, Анна Николаевна. Погодите, я еще и колдовских сил вас лишу. И кем вы тогда будете? Я же знаю ваши честолюбивые мечты: вы хотели сами баллотироваться на пост мэра.

– Это полнейшая чепуха, – всплеснула руками Анна Николаевна.

– Чепуха – не чепуха, а слушок такой бродил, – и морок рассеялся, напоследок добавив: – А с вами, Марья Авдеевна, у меня будет особый разговор.

После исчезновения морока все долго молчали. Наконец Маша нарушила гнетущую тишину:

– Может, Юля пошутила? Про слух-то...

– Нет, это не шутка, – тоскливо сказала Анна Николаевна. – Я всем своим существом чувствую, что теперь не могу отличить си-бемоль мажор от фа-минор. Это мое поражение. Девчонка ударила меня в самое уязвимое место – в мой абсолютный слух. Я дисквалифицирована, меня как музыканта и преподавателя просто больше не существует.

Анна Николаевна не сдержалась и зарыдала в голос. Рыдала она очень немелодично и до тех пор, пока Одинокый Дракон не принес ей особого чаю на травах и салат из манго и шоколада. Этим несчастная ведьма хоть немного утешилась.

– Я ей еще покажу, – пообещала она, прихлебывая чай.

– Кстати, – заговорил Чжуань-суй, – а что такое Книга Теней? Никогда о такой не слышал...

– А, – отмахнулась Анна Николаевна. – Книга Теней – это профессиональный дневник каждой ведьмы. Каждая ведьма имеет и ведет такую Книгу. Туда записываются изученные заклятия, ритуалы, зелья. Словом, руководство по мастерству. Ведь у каждой ведьмы свое ведьмовство – хоть капельку, да свое. Я, например, в Книге Теней записывала некоторые

заклинания, которые сочинила при помощи фортепианной музыки. Кроме меня, эти заклинания никто не раскроет и не сможет использовать, если только не обладает таким же слухом, как я... О святая Вальпурга!

– Что такое?!

– Да ведь я теперь лишена музыкального слуха! Но ничто не исчезает бесследно, особенно талант. Так что теперь моим слухом кто-то пользуется. И этот «кто-то», скорее всего, Юля.

– Зачем ей ваши заклинания, Анна Николаевна? И потом, там разве есть что-нибудь опасное, противозаконное?

Анна Николаевна помялась, опустила голову и прошептала:

– Есть.

– Что именно?

– О святая Вальпурга! Когда я составляла это заклинание, то не думала, что когда-нибудь применю его на практике!

– Что это за заклинание?!

– Противомэрское. Помню, дело было так. Я обратилась в мэрию с просьбой выписать музыкальному училищу краску для ремонта, а мне отказали. Пришлось опять кланяться у спонсоров, идти, унижаться. Вот тогда-то я и составила заклинание «Против мэрии».

– Как оно действует? – напряженно спросила Марья Белинская. – Уничтожает всех служащих мэрии, превращает их в мух? Сознавайтесь, Анна Николаевна, чего уж теперь. Ваша Книга Теней кому-то сослужит неплохую службу.

– Заклинание превращает чиновников в... рыбок. Аквариумных рыбок. А само здание мэрии – в большой аквариум. Охранники должны были стать меченосцами, финансовый отдел – золотыми рыбками, мелкие чиновники – гуппи и неонами...

– Ор-ригинально. Ну а мэр у вас какой была бы рыбой?

– Сомиком. Чтоб вечно копаться носом в песке... Но поймите меня правильно, я совершенно не собиралась реально применять это заклятие! Это была злая шутка рассерженной ведьмы, ничего более!

– И тем не менее в Книгу Теней вы это заклятие внесли.

– Да. Это моя вина. Тем более что теперь этой книгой пользуется Юля...

– Может ли она расшифровать ваше заклинание и применить его?

– Вряд ли. Но с другой стороны... Лишила же она меня слуха. Юля становится могущественнее с каждой минутой, ее ведьмовской потенциал растет как на дрожжах. Она уникальный случай в колдовской практике.

– Почему уникальный случай? Разве не было в истории ведьмовства других, не менее талантливых ведьм? – уточнил Чжуань-суй.

– Ведьмы были, – сказала Марья Белинская, – я изучала историю ведьмологии. Но все дело в том, что их великие таланты проявлялись именно потому, что эти ведьмы не творили зла, не искали личной выгоды ни в чем, весь свой талант тратили на помощь ближним. А Юля... Да она классическая злая колдунья! Не хватает только нетопырей и жаб ей в помощники.

– Ну, нетопыри и жабы здесь ни при чем. Порядочные ведьмы с ними тоже работали, – грустно улыбнулась Анна Николаевна.

– Мы отвлеклись от главной темы. Она звучит так: как нам остановить Юлю Ветрову? – решительно настроилась Марья Белинская.

– Может быть, любовь, – предположил Одинокый Дракон.

– Что любовь?

– Изменит ее в хорошую сторону. Ведь Юля, кажется, была влюблена в юношу по имени Данила. Можно усилить это чувство особыми обрядами и травами. Когда ею овладеет

страсть к мужчине, девица забудет о власти и прочих своих мечтаниях. Вы, женщины, всегда ставите любовь на первое место.

И Одинокый Дракон нежно коснулся ладонью плеча Марьи Белинской.

– Что ж, давайте попробуем с приворотным зельем и куколками. Вдруг сработает? Кстати, неплохо бы вызвать сюда и Данилу.

– Минуту, – сказала Анна Николаевна. – Я ему позвоню.

Она достала мобильный телефон, набрала номер...

– Алло, Данила? Не мог бы ты прямо сейчас подъехать к чайному залу господина Чжунань-сюя? Очень срочное дело... Что? Что ты говоришь?

В наступившей тишине голос Данилы из мобильного доносился очень четко и ясно:

– Случилась катастрофа. Вам лучше пойти на главную площадь и посмотреть, во что превратилось здание мэрии и все, кто в нем был. Надо это как-то переделать...

И Данила отключил связь.

– Святая Вальпурга! – вскочила с подушек Марья Белинская. – Кажется, ваше заклинание благополучно расшифровали, Анна Николаевна! В город пришло безумное колдовство!

Глава 4

КОРОЛЕВА ГОРОДА ЩЕДРОГО

У крупной золотой рыбки были печальные, почти человеческие глаза. Она суетливо плавала у самого аквариумного стекла, взмахивала плавниками и поднимала в воде облачка ила и песка. Это вызывало недовольство у небольших размеров скромного сомика, который рылся носом в грунте, тщаься отыскать дверцу, ведущую на свободу...

Большущий аквариум, тысячи на три литров, стоял посреди главной площади города Щедрого. В аквариуме колыхались водоросли цвета бурых плюшевых портьер, лежали камешки, чем-то отдаленно напоминавшие кресла и диваны. Пара кислородных насосов, раньше, вероятно, бывших кондиционерами, наполняла аквариум пузырьками воздуха... Но не это самое главное. Главным были рыбки. Они не плавали в аквариуме спокойно и величественно, они метались из стороны в сторону, подымались к кромке воды, уходили вниз, кружились на одном месте... День выдался ясный, и солнечные блики ложились на блестящую чешую скалярий, неонов, барбусов и меченосцев.

Вокруг аквариума собралась небольшая толпа, в основном детей и пенсионеров – день-то рабочий был в самом разгаре. Посему пенсионерка Василиса Карповна Безмолочнева, дама любопытная и вздорная во всех отношениях, предвзято относящаяся к колдовству, служила общественным рупором. Дело в том, что Василиса Карповна как раз именно сегодня вознамерилась посетить мэрию с целью официального разъяснения возросших цен на молоко и электричество.

– И вот иду я этак к мэрии-то, – повествовала Василиса Карповна. – И вот уж собираюсь на ступеньку ногу поставить, ка-ак вдруг неведомая сила меня от здания как отшвырнет! Как возвестит мне голос с небес: «Стой, где стоишь, Карповна, иначе не бывать тебе живой!»

– Так уж с небес, – возникали скептики.

– Истинно с небес, – была непреклонна к скептикам Василиса Карповна. – И вот токмо я отбегла, токмо глазыньки зажмурила, слышу шорох великий, плеск и гул. И земля под ногами сотряслась!

– Так уж и сотряслась, – снова возникали скептики, но их скептицизм гасили в зародыше.

– Сотряслась, я ажио на четвереньки упала, – упрямо повторила бабка. – А когда сотрясение кончилось, я глаза раскрыла и вижу – здания нашей мэрии нету, а вместо него на площади бадья эта стеклянная, прости господи!

– То, бабка, не бадья, то аквариум. С рыбами, – пояснили Василисе Карповне.

– Да хоть и аквариум, – не сдавалась пенсионерка. – А откуда он взялся на площади и куда мэрия пропала вместе со всеми служащими?

Кто-то прошелся насчет черных дыр, антигравитации и инопланетян, но все эти богатые версии щедровцев не устроили.

– Это опять кто-нибудь наколдовал, – сказал парнишка лет двенадцати, увлеченно облизывая вафельный рожок с мороженым. – Какая-нибудь ведьма...

Говорят, помяни ведьму, она тут же и явится.

С лихим посвистом и гоготаньем над площадью заложила крутой вираж юная ведьма на мощном помеле. Не снижаясь, эта ведьма крикнула:

– Теперь в городе нет законодательной и исполнительной власти! Теперь всю власть держу я! Я – королева Юлия!

Еще один крутой вираж, и королева Юлия усвистала в неизвестном направлении. Видимо, осматривать пределы своего королевства.

Люди еще с час потоптались у аквариума, а потом потихоньку разошлись кто куда. Охота, что ли, стоять на солнцепеке? И вот, когда площадь практически опустела, у аквариума появились следующие персонажи нашей драмы: Анна Николаевна Гюллинг, Марья Белинская, Чжуань-суй и Данила по прозвищу Крысолов. Они внимательно осмотрели аквариум и его обитателей.

– Крысолов, ты можешь выйти на телепатическую связь с рыбами? – спросила Анна Николаевна.

– Не забывайте, что несколько часов назад эти рыбы были людьми, – напомнила всем Марья Белинская.

– Я попробую, – сказал Данила и пристально взгляделся в глазки проплывавшего мимо меченосца.

Тот замер и подплыл впритык к стеклу.

– Это охранник. Его зовут Слава. Он кое-что видел и может это передать в картинке в мой мозг. – Данила закрыл глаза и заговорил отрывисто и быстро: – В холл здания входит девушка. Она в длинном черном платье, отороченном алыми кружевами. В ее волосах тоже алеет роза. Ну просто Кармен какая-то. Хотя это не Кармен, а Юля. Наша Юля. Слава пытается ее остановить, но Юля одним движением руки отбрасывает его к стене. Слава видит, что там, где прошуршал шлейф платья девушки, пол трескается и в трещины начинает хлестать вода. Слава кричит: «Тревога!», на лестничную площадку выбегает еще охрана, но никому не под силу остановить красавицу с розой в волосах. Дальше у Славы не осталось впечатлений. Он потерял сознание, а когда очнулся, уже был рыбкой.

– Так, понятно, – сказал Данила. – Мне нужны воспоминания мэра. Кто из вас мэр?

Как и предполагалось, мэром оказался маленький серенький сомик, нервно поводящий усиками.

– Пожалуйста, сосредоточьтесь, – попросил сомика Данила.

И вот уже другую картину видит Крысолов. Прелестная девушка входит в приемную мэра. Навстречу ей спешит секретарь по имени Адонис и заявляет, что У мэра неприятный день.

– Неприятный день? – хохочет девушка и бросает в секретаря розой из своей прически. Секретарь ловит розу и тут же вспыхивает как факел.

– Святая Вальпурга, это заклятие Огненной Розы! – вскрикивает Анна Николаевна. – Опаснейшее, сложное, как она сумела его освоить?! Когда?!

А девушка между тем беспрепятственно проходит в кабинет мэра. Мэр – женщина довольно храбрая и эффектная для своего возраста – встречает Юлю с наивозможной приветливостью.

– Итак, вы мэр, – говорит Юля, усевшись на стол и закинув ногу на ногу. – Здешнее олицетворение власти.

– Можно и так сказать, – выдавливает из себя улыбку мэр.

– И нравится вам ваша должность? – спрашивает девушка, а в руках ее спелым яблоком сорта ранет наливается шаровая молния.

– Она ничуть не лучше и не хуже других должностей, – пожимает плечами мэр, стараясь попасть в тон и при этом не замечать шаровой молнии. – Нравится, конечно. Но вообще-то это нервная должность. Постоянный стресс...

– А хотите, – поигрывает молнией девушка, – хотите, я избавлю вас от стресса?

– То есть каким образом? – Мэр бледнеет. – Вы меня убить хотите?

– Ну зачем же убить, – снисходительно говорит девушка. Шаровая молния втягивается в ее изящные пальцы. – Я просто изменю ваш образ жизни. Отныне и до конца дней.

Тут мэр тоже теряет сознание, а очнувшись, ощущает себя рыбкой-сомиком. И при этом горит желанием раскопать в иле остатки вчерашнего мотыля...

Данила отключился от аквариума.

– Она их всех заколдовала. Всех, – сказал он, вытирая пот со лба. – А здание превратила в аквариум. И мы должны быть благодарны Юле за такой расклад сил, потому что при ином раскладе она просто бы всех уничтожила.

– Мы должны с нею встретиться, и как можно скорее, – проговорила Анна Николаевна.

– Боюсь, теперь не мы ей, а она нам назначает встречи, – сказала Марья Белинская. – Кто мы такие? Ведьмы-неудачницы...

– Ну это как посмотреть! – возразила Анна Николаевна. – То, что Юля воспользовалась чужой Книгой Теней, означает лишь, что самостоятельно заклинания большой силы у нее пока не получаются.

– Надо отобрать у нее Книгу Теней.

– И Лунную арфу элементарей. Не забывайте, ею она тоже владеет. Арфа попала в злые руки.

– Так каков наш план? – спросил Одинокый Дракон.

– Прежде всего мы должны убрать с городской площади этот аквариум. Совсем не дело ему тут стоять. Сами же местные его и загадят – мол, вот вам, мэрия, получайте. В аквариуме около сотни беззащитных рыбок, то есть людей. Любой безмозглый мальчишка может достать рыбешку – позабавиться, и окончится это трагически.

– Все ясно. Куда переносим аквариум?

– Может, ко мне в сад? – предложила Анна Николаевна.

– Нет, госпожа Гюллинг, – покачал головой Одинокый Дракон. – Ваш дом и сад скоро станут плацдармом магических сражений. Ведь как ни крути, а Юля живет у вас.

– Верно...

– Так что предлагаю аквариум перенести в чайный зал. Там есть одна достаточно широкая и высокая комната, в ней он должен поместиться. К тому же я владею мастерством раздвигания пространства. Мы, я и Ши Юйкань, будем приглядывать за аквариумом, кормить несчастных...

– Да, пожалуй, так будет правильно, – согласились все.

Анна Николаевна сплела заклинание для полета, и аквариум тяжело приподнялся в воздух (три тонны все-таки).

– Танатис-эт шерба! – заключила свое заклинание Анна Николаевна, и аквариум медленно двинулся в сторону чайного зала.

Несколько часов прошло, прежде чем наши герои разобрались с мэрией-аквариумом и перестали опасаться новой каверзы со стороны Юли. Солнце уже светило по-вечернему, и каждый чувствовал усталость, словно таскал на плечах мешки с углем...

– Нужно расходиться, – сказала Анна Николаевна. – Я домой, посмотрю, что творит эта негодная паршивка.

– Вы уж ее не оскорбляйте, – предупредила Марья Белинская. – А то она и вас в рыбку превратит и вашим же кошкам скормит.

– Да, я буду осторожна, – кивнула Анна Николаевна. – Марья, вам пока лучше не появляться у меня в доме.

– Понимаю. Я поживу у Одинокого Дракона.

Чжуань-суй улыбнулся и приобнял Марью за талию.

– Данила... Ты как решишь?

– Я должен еще раз с нею встретиться, Анна Николаевна, – сказал Данила. – Я не могу ей позволить вот так все разрушать одним движением руки. Зря я ей, что ли, Крапивина читал?

– Да, приходи. Только, наверное, не сегодня. На сегодня у всех нас и так стрессов предостаточно.

– Хорошо.

– Что ж, пожелаем друг другу спокойствия в эту бурную пору, – сказала Анна Николаевна, свистом подозвала свое помело и вскарабкалась на него. – До встречи!

Анна Николаевна решила лететь к дому не напрямиком, а окольными путями. Ей хотелось узнать, не произошли ли еще какие изменения в облике родного города.

Так и есть, произошли. Старые дома, назначенные под снос, теперь сияли как новенькие, только что сошедшие с домостроительного конвейера. Возле этих домов росли роскошные пальмы и баньяны, совершенно неподходящая для Щедрого растительность. Но напугало Анну Николаевну даже не это. Жителями очаровательных домов были самые натуральные гномы!

Нет, нельзя сказать, что гномы по сути своей были существами кровожадными и коварными. Нет. Но они, как младшие элементали, никогда не селились в открытую, да еще и в непосредственной близости от человеческого жилья!

Анна Николаевна летела дальше. Когда она повернула на улицу Кутузова, то чуть не упала с метлы от изумления. По всей улице Кутузова росли громадные грибы – с мясистыми маслянистыми шляпками в красных фосфоресцирующих точках, на толстых как бревна ножках. Запах от грибов исходил такой, что хотелось задержать дыхание и не дышать больше. Некоторые грибы потянулись к помелу Анны Николаевны, хищно выгибая шляпки.

– Защитный экран! – крикнула Анна Николаевна, будучи сама не своя. Защитный экран на некоторое время приостановил поползновения жутких грибов, и этих мгновений Анне Николаевне хватило, чтобы убраться с улицы Кутузова.

– Но как же остальные люди?! – говорила сама с собой ведьма. – На Кутузова два детских садика и пункт переливания крови. А что, если эти грибы плотоядны?!

Она дала себе слово немедленно по возвращении домой изучить все имеющиеся в ее распоряжении заклинания против грибов. Хотя внутренний пессимистический голос подсказал ей, что заклинания будут бессильны. Потому что на поле колдовской брани вышла Юля Ветрова, феномен и натуральная негодяйка.

Анна Николаевна понудила метлу лететь к дому быстрее. Вот наконец и заветный сад, огороженный низеньким заборчиком. Анна Николаевна проскочила между двумя яблонями и приземлилась на грядку с чесноком. Что чеснок! Мир переворачивался на глазах, и в этом мире было не до чеснока!

Анна Николаевна соскочила с метлы, привела в порядок платье, отряхнула прическу от налипших веточек и кусочков коры и прошла в дом.

Кухня-столовая была пуста. Анна Николаевна налила себе воды из непечатой бутылки «Аква минерале», перевела дыхание. И услышала Юлин голос.

Голос доносился из-за неплотно прикрытой двери рабочего кабинета Анны Николаевны. Анна Николаевна подошла к двери, подумала, что стучать – это уже ненужная в отношениях с Юлей вежливость, и просто прошла сквозь стекло и дерево.

Юля сидела за столом, спиной к двери. Сейчас на девушке было потрясающей красоты кимоно, надетое по всем правилам. Юля не заметила присутствия Анны Николаевны, потому что была слишком увлечена разговором.

Разговор велся по магическому кристаллу, а тема его уже успела набить Анне Николаевне оскомину.

– Мне нужен Сидор Акашкин, – говорила Юля кристаллу.

– Мне тоже он нужен. – Кристалл отвечал голосом Госпожи Ведьм Дарьи Белинской.

– Вы забываете, Госпожа, что я обладаю могуществом, которое может стереть с лица земли этот городишко.

– Вы про Толедо?

– Нет, я про Щедрый. Но погодите, я и до Толедо доберусь.

– Не доберетесь, у нас слишком хорошая охранная магия, не пальцем делали. А вот вы, девушка, понахватались кой-каких магических знаний и теперь мните себя чуть ли не богиней Иштар!

– Нахваталась?! Кто, как не вы, сообщили мне, что я воистину могущественная ведьма?!

– Могущественная. Но не всемогущая. Почувствуйте разницу.

– Я *пока* не всемогущая. Я еще не пустила в ход Лунную арфу элементарей. Я еще не подчинила себе стихии. Всё впереди.

– Прошу вас учесть, деточка, что в злых руках Арфа элементарей просто не действует. В ваших руках – это кусок дерева, не больше.

– А почему вы считаете мои руки злыми? Разве я кого-нибудь убила? Хотя вообще-то пришлось распылить на атомы одного секретаришку, но он не был человеком. А истребление нечеловеческой сущности убийством не считается! Да, еще я превратила целую мэрию в аквариум с рыбками, но какое же это зло! Я никого из них не убила. Так почему вы считаете, что мои руки несут зло и скверну?

– Вы хотите убить Сидора Акашкина.

– А разве это зло? – звонко рассмеялась Юля, так что эхо прокатилось по всей комнате.

– Конечно, зло. Ведь Акашкин человек!

– Ошибаетесь, Великая Госпожа Ведьм. До меня дошли слухи, что господин Акашкин с некоторых пор не совсем человек. И с каждым днем в нем становится все меньше человеческого.

– О чем вы, Юлия?

– Не притворяйтесь несведущей, Госпожа Ведьм! Я все знаю! В тот день, когда Акашкин послал меня на костер...

– Он не посылал, вы сами прыгнули.

– Не имеет значения. Так вот, благодаря этому костру Акашкин был инфицирован. Инфекцией оккультного порядка. А теперь скажите мне, Госпожа Ведьм, что вы не знаете про Королеву солитеров!

Из шара текло молчание. Затем Дарья медленно заговорила:

– Да, мне известно, что в Сидора Акашкина вселилась Королева солитеров. Да, мне известно, какую опасность теперь представляет Сидор Акашкин.

– Именно поэтому его и надо уничтожить! – ярилась Юля.

– Уничтожение Акашкина не уничтожит Королеву. Она найдет себе другого носителя, вот и все. И где гарантия, что этим носителем не окажетесь вы, Юля?

– Я?! Никогда!

– Я предлагаю другое решение проблемы, – металлическим голосом отчеканила Дарья Белинская. – Во Дворце Ремесла в Толедо имеется специальный изолятор для больных, инфицированных неизвестными оккультными болезнями. Туда и будет помещен Сидор Акашкин.

– И до каких пор вы намерены там его держать?

– До тех пор, пока не найдем адекватного способа борьбы с инфекцией.

– Королеву солитеров невозможно уничтожить.

– Да, но ее можно временно растворить в небытии. Что вы на это скажете, Юля? Станете союзницей в моей борьбе против Королевы солитеров? Или по-прежнему тупо будете требовать выдачи Сидора Акашкина?

– Я хочу только одного, – сказала Юля. – Чтобы инфекция не вырвалась на свободу.

– Понятно. И ради этого вы натворили в Щедром столько безобразия? Мне доносят из достоверных источников, что вы не пощадили даже свою тетушку...

– Я была в ярости.

– Настоящая ведьма никогда не допустит, чтобы ее чувствами владела ярость. Учтите это, Юля. У вас ко мне еще что-то?

– Да. А вы не боитесь меня? Не боитесь того, что я просто сумасшедшая ведьма? И для меня не писаны никакие законы?

– В какой-то степени боюсь, – серьезно сказала Дарья. – Но, знаете, Юля, мой жизненный опыт мне подсказывает, что те, кого боишься, наиболее безопасны. Опаснее всего те, от кого опасности не ждешь. Вам это понятно?

– Понятно. Как приятно поговорить с настоящей ведьмой!

– Ваша тетя – тоже настоящая ведьма. Поговорите с нею. Она поможет вам разобраться в собственной душе.

– Ну нет, – усмехается Юля. – Я не собираюсь исповедоваться. Я ведьма, а не монахиня. Благословенны будьте, Госпожа.

– Благословенны будьте, Юля.

Кристалл начал тускнеть. Юля набросила на него покрывало, отодвинула стул, встала... и тут увидела Анну Николаевну.

– Вы все слышали! – возмущенно проговорила девушка. – Подслушивать – это подло!

– Рыться в чужой Книге Теней – тоже подло, – ответила Анна Николаевна. – Ты воспользовалась моей Книгой Теней, чтобы устраивать свои шалости! Ты лишила меня музыкального слуха! А гномы и грибы! Зачем ты их вызвала?!

– Развлечься хотелось.

– Магии в тебе достаточно, а вот ума не очень, – сжав губы, сказала Анна Николаевна. – Где моя Книга Теней?

– Найдите сами, – лукаво усмехнулась Юля, – тогда и обратно получите. Посмотрим, кто из нас более сильная ведьма.

– Я не собираюсь устраивать никаких дурацких соревнований, – спокойно сказала Анна Николаевна. – Я просто соберу шабаш. Шабаш ведьм сильнее одной ведьмы. Пусть тебя судят сестры, пусть они разбираются в твоём колдовстве.

Анна Николаевна сдержала слово и собрала полный шабаш. Сие мероприятие проходило на Желтом мысу, месте, известном своей оккультной репутацией. Шабаш, естественно, проходил после заката солнца, в пронизанной запахами разогретых трав тьме. Впрочем, тьма была относительной – место ведьмовского собрания освещали десятки свечей, сиявших ярче электрических ламп.

На этот шабаш ведьмы собрались быстро. Всех интересовала молоденькая колдунья с ее безудержной ворожбой. Правда, виновница шабаша задерживалась и, судя по фейерверкам, вспыхивающим то на одном, то на другом конце города, была занята каким-то легкомысленным колдовством.

Но вот наконец появилась и она. Юля летела на помеле, облаченная в вечернее платье из пурпурного бархата и черную кружевную пелерину. Глаза юной головной боли всего города сияли торжеством.

Юля приземлилась и осмотрелась.

– Как мило, – сказала она. – Все ведьмы Щедрого собрались для того, чтобы почтить свою новую Госпожу...

– Как бы не так! – раздалась в толпе ведьм возмущенные голоса.

– Нишкни! – грозно прикрикнула на всех Баба Зина Мирный Атом, колдунья от сохи и силосной башни. – Нишкни! А ты, девонька, не надейся, что чтить мы пришли твое колдовское мастерство.

– Ведьмы Щедрого будут судить вас, сестра Улиания, – вышла из толпы ведьма по прозвищу Ивушка Неплакучая. – За все то зло, которое вы натворили.

– Судить? – рассмеялась Юля. – Вы издеваетесь, что ли? Вы забыли, кто я?!

– Нет, не забыли, – выступила вперед и Анна Николаевна. – Ты была порядочной молоденькой ведьмой, не склонной к пакостям. А теперь эти пакости из тебя так и лезут, как крем из эклера. Сестра Улиания, опомнись и вернись к доброму колдовству.

– Да с какой стати? Мне так интереснее! Кто из вас смог бы превратить мэрию в аквариум? Никто! А я смогла! Вы все слабее меня во много раз. Если я захочу, то и вас превращу – например, в курятник с кудахчущими наседками.

– Ах ты нахалка! – возмутилась Баба Зина Мирный Атом.

Как дама в возрасте, Баба Зина более всего не любила молоденьких ведьм-выскочек и всегда при случае ставила их на место. И тут ей представилась очередная возможность...

– А ну проси прощения у всего высокого собрания! – потребовала Баба Зина, подходя к Юле и неласково взяв последнюю за ухо.

Юля завизжала от обиды и унижения:

– Заколдую! В пень превращу!

– Не выйдет, – спокойно заявила Баба Зина. – Слаба ты супротив земляной магии, одна показуха у тебя на уме. Кайся!

Но Юля, естественно, была чужда покаянным настроениям. Она прошептала какое-то заклинание и превратилась в осу. А осу, как известно, трудно удержать за ухо. Оса бесстыдно укусила Бабу Зину за большой палец и тем самым обрела свободу. Через мгновение Юля снова предстояла пред высоким ведьмовским шабашем полностью экипированная и в человеческом облике.

– Ах мерзавка, ты мерзавка, – возмущалась Баба Зина, баюкая укушенный палец.

– Довольно вам меня оскорблять, – сказала Юля, оглядывая всех ведьм. – Лучше послушайте, что я хочу предложить вам.

– Тоже стать золотыми рыбками? – выкрикнул кто-то из толпы.

– Нет, – усмехнулась Юля. – У меня имеются более интересные предложения. Изяслав Радомирович, материализуйтесь, пожалуйста.

И в ответ на это рядом с Юлей материализовался бывший мэр города Щедрого, колдун-неудачник Изяслав Радомирович Торчков. Как он оказался в одной упряжке с Юлей – непонятно, но факт есть факт.

– Благословенны будьте, ведьмы! – с пафосом воскликнул Изяслав Радомирович.

Глухое ворчание толпы было ему ответом. Господин Торчков не обратил на это ни малейшего внимания и продолжал говорить, напоминая тетерева на току.

– Уважаемые ведьмы, – токовал бывший мэр. – На вас снизошла огромная милость судьбы в лице нашей сестры Улиании. Она заколдовала насквозь коррумпированную, бюрократизированную и косную местную власть и дала возможность новым людям встать у штурвала демократического корабля. Поэтому я предлагаю избрать сестру Улианию мэром нашего города.

На шабаш пало молчание. Однако это молчание было настолько красноречивым, что бывший мэр поспешил добавить:

– Разумеется, выборы мэра пройдут конституционно и демократично, как и положено в нашей стране. Но я, со своей стороны, рекомендую всем вам проголосовать за Юлию Ветрову. С ней вы будете в безопасности.

– А что, существует какая-нибудь опасность? – выкрикнула некая совсем юная ведьмочка и смущенно затерялась в толпе.

– Конечно, существует, – улыбнулась Юля. – Кто знает, кого я решу заколдовать в следующий раз. Но речь не об этом. Я, конечно, буду строга, подобно всякому представителю власти, но я буду и справедлива. Я буду поощрять тех, кто достоин поощрения, и порицать

тех, кто достоин порицания. Под моим руководством Щедрый из провинциального захолустного городка превратится в настоящий рай.

– А мы и не думали, что до сих пор жили в аду, – пробормотала Анна Николаевна.

– Итак, сестры, выборы в ближайшее воскресенье. Вас будут ждать на избирательных участках, – подытожил Изяслав Радомирович.

– А если мы не придем? – спросил кто-то.

– Тот, кто не придет на выборы, автоматически превращается в тритона, – заявила Юля Ветрова. – Без возможности обратного перевоплощения. Ну что ж. До встречи.

Юля взяла под руку Изяслава Радомировича и исчезла вместе с ним как сон и утренний туман.

Ведьмы, собравшиеся на шабаш, поначалу молчали, а потом заговорили все разом, устроив настоящий галдеж:

– Мы собрались ее судить, и что из этого получилось?!

– Выходит, она сильнее нас?

– Как смеет эта выскочка навязывать нам свою волю?

– Да еще и с Торчковым связалась – совсем головы нет!

– Что же делать, сестры, что же делать?

– А насчет тритонов – это она правду говорила?

– Ти-хо, сестры! – с мощью паровозного гудка проревела Баба Зина. – Что вышло, то вышло, обратной дороги нет. Мы придем в воскресенье и бросим в ящики бюллетени. Но каждый поставит свою отметку там, где написано «против».

– Юля не наберет нужного процента голосов и провалится на выборах, – пояснила Ивушка Неплакучая.

– А если она нас все-таки превратит в тритонов?!

– Не превратит. Мы ведь придем на выборы. Только проголосуем не так, как ей хочется. Любое заклятие можно обойти, если действовать с умом.

Наступило злосчастное воскресенье.

Дезориентированное население города Щедрого с утра пораньше поспешило на избирательные участки. Шли целыми семьями и кланами – никому не хотелось делать реальной угрозу превращения в тритонов. Даже вампиры и те, казалось, уstraшились непобедимой ведьмы, железной рукой вцепившейся во власть.

Выборы в провинциальном городке и по сей день проходят так, как проходили тридцать, сорок, пятьдесят лет тому назад. Возле избирательных участков сверкали на солнце липкие от типографской краски плакаты, в буфете пахло выпечкой и пивом, а из мегафонов лились старые песни о главном.

Юля нервничала. Под свой штаб она переоборудовала здание бывшего клуба речников и теперь ходила по просторному кабинету, уставленному моделями шхун, яхт и катеров. За Юлей из кресла неотрывно наблюдал Изяслав Радомирович. За то время, что он был отлучен от власти, он сильно сдал. И вдруг появилась девушка, которая буквально воскресила его к жизни, дала новую надежду! Мало того. Сам не зная как, бывший мэр уже был влюблен в Юлю, ибо, как говорится, седина в бороду, бес в ребро.

Юля влюбленных взглядов бывшего мэра не замечала – не до того ей было. Да даже если б и заметила, то просто посмеялась – разве годится ей в возлюбленные этот лысеющий престарелый ловелас!

– Как вы думаете, – вдруг неожиданно спросила Юля у Изяслава Радомировича, – они проголосуют против меня?

– Будем надеяться, что нет, – ответил Торчков. – Да вы не волнуйтесь, Юленька. Против вас ни одна рука не поднимется. Вы всем нравитесь, поверьте!

– Вы серьезно? – скокетничала Юля. – Ну что ж. Я буду хорошим мэром и вас, Изяслав Радомирович, не забуду. Мне ведь потребуется толковый и политкорректный помощник.

К вечеру знаменательного дня начался подсчет бюллетеней. Щедровцы не захотели стать тритонами и почти стопроцентно явились на выборы. Но самое главное – за то, чтобы ведьма Юля стала мэром города, проголосовало почти семьдесят процентов избирателей. Двадцать семь процентов осторожно воздержались, и лишь три процента были против. Но что такое в нашей жизни три процента? Скидка по дисконтной карте, вот и все.

Юля ликовала. Она – мэр! Она – властительница города! Все пути перед нею открыты!

В клубе речников устроили грандиозный банкет с фейерверками, цыганами, икрой и шампанским. Юля в очередной раз напилась вдрызг – так, что ее первому помощнику господину Торчкову пришлось отвозить ее на своей машине. Поскольку Юля не желала отныне жить в доме своей тети, Изяслав Радомирович отвез новоиспеченного мэра к себе на дачу – тихо, интимно, никто не помешает...

Анна Николаевна и ее друзья и соратники оказались в оппозиции к новой власти. Все они голосовали против. Баба Зина Мирный Атом громогласно пообещала стереть «енту девку» с лица земли. Но все знали, что это только пустые и нелепые угрозы.

Глава 5

СТАРОЕ ТОСКАНСКОЕ

Сидор Акашкин превратился в обычного забубённого пьяницу. Благо во Дворце Ремесла выпивки имелось в изобилии. Особенно в экспериментальной винодельческой лаборатории, где молодые ведьмы при помощи заклятий создавали вермут, текилу и высшие коньячные спирты. Для того чтобы это все дегустировать, приглашался Сидор Акашкин. Обычно он сидел в лаборатории, покуривал кальян или сигару и ждал, когда ему принесут чашу очередного наколдованного вина.

Наколдованное вино хорошо было тем, что опьянение от него было легким и каким-то особенным. Человек, вкусивший такого вина, чувствовал себя по меньшей мере центром Вселенной. А кому из нас не хотелось бы почувствовать себя центром Вселенной?

Честолюбивый Акашкин блаженствовал от грез, навеваемых колдовским вином. Он понял, что отныне смысл его жизни и заключается в блаженстве, легкомыслии и покое. Напившись, он шел в дворцовый розарий – пообщаться с местными молоденькими ведьмочками. Те подхихикивали над Сидором, но потом привыкли к его благодушно-глуповатой физиономии. Сидор уже забыл, что за его головой охотится Юлия Ветрова, что Королева солитеров изнутри выедаёт его организм как начинку шоколадного батончика. Сидор впервые за многие годы жизни был счастлив.

А потом произошло невероятное. Сидор влюбился, хотя представлялось, что природа обделила его талантом сердечных мук.

Избранницей Сидора оказалась руководитель информационно-аналитического отдела «Авантюрин» госпожа Дениза Грэм. Молодая женщина выглядела как орхидея, омытая ночной росой, как букет чайных роз, поставленных в вазу династии Мин, как... Нет, язык бессилен описать величавую красоту этой колдуньи. Да-да, разумеется, госпожа Дениза Грэм была колдуньей, иначе не возглавляла бы аналитический отдел Дворца Ремесла.

Как всякий влюбленный мужчина, Сидор таил свои чувства, хотя они разрывали его грудь с нежностью львиных когтей. Один или два десятка раз попавшись Денизе Грэм на глаза, Сидор считал, что она должна его понять.

Но Дениза не понимала или делала вид, что не понимает. Она гоняла свой аналитический отдел, являлась на колдовские планерки, встречалась с Сидором в коридорах власти, но ей, похоже, и в голову не приходило, что этот щупловатый мужчинка, находящийся под патронатом самой Госпожи Ведьм, таит в груди высокие и трепетные чувства.

Сидор терпел-терпел это издевательство, а потом расстроился. И впрямь, какому мужчине будет приятно, если самые благодатные его чувства будут примитивно попираться и вообще не замечаться?!

Расстройство Сидор решил утопить в винном погребе, где тихо дремали бутылки старого тосканского, опутанные паутиной столетий. Поскольку Сидору беспрепятственно разрешалось шляться по всему Дворцу Ремесла, то и в погребе он бывал частым гостем. Благо Дарья не тревожилась за свои винные запасы – ну не вылакает же этот Сидор все подчистую, что-нибудь да оставит!

...Был особенно мрачный для Сидора день. Сегодня он трижды видел Денизу и трижды с нею поздоровался, на что получил в ответ рассеянное «ах, оставьте, пожалуйста!». Сидор понял, что жизнь не задалась, и после завтрака напрямик отправился в винный погреб.

Погреб встретил его всегдашней тишиной, паутиной и запахом многовековых наслоений пыли. Сидор побродил вдоль рядов выставленных как напоказ бутылок, освещенных

неяркими лампами, и тут черт дернул его возжелать обследования самого глухого закутка подвала.

Сидор здраво рассудил, что там, в практически неосвещенной глубине, должно стоять самое крутое вино. Он храбро протиснулся в закуток и вызвал мини-молнию. Для подсветки. Мини-молнии его научили вызывать юные колдуньи Дворца. У них это входило в программу занятий.

Мини-молния разогнала темноту, и Сидор увидел днище старого бочонка, обросшее паутиной, как Санта-Клаус – бородой.

– Вот оно, настоящее старое тосканское! – решил Сидор. – А все остальное – суррогаты и подделки.

Сидор благоговейно коснулся вросшего в пыль дна бочонка. И ахнул, потому что дно медленно и со скрипом начало втягиваться в стену. Затем раздался сухой щелчок. И Сидор понял, что перед ним не что иное, как потайная дверь!

Потайная дверь – это, господа читатели, обязательно что-нибудь такое-этакое. Сокровища несметные, к примеру. Или прикованный к стене скелет злодея. Ну, на худой конец путь в другое измерение. Ведь верно? Поэтому для удобства чтения постройтесь на пару секунд мурашками и представьте себе ваш самый страшный кошмар... Готовы? Ну, тогда продолжаем!

Сидор для порядка помедлил и аккуратно толкнул Древнюю дверь, побаиваясь, что от этого толчка она рассыплется в прах.

Дверь, однако, не рассыпалась и даже открылась без скрипа.

За дверью обнаружилась небольшая круглая комната, естественно, без окон. Того освещения, что давала мини-молния, едва хватало, чтобы разогнать накопившуюся в комнате мглу. Но главное Сидор увидел.

Посреди комнаты стоял гроб.

Между прочим, без крышки.

Сидор давно уже понял, что со старым тосканским он прокололся, что не будет никакого вина, но ему хотелось убаготворить свое любопытство. Ведь если есть потайная комната, а в комнате имеется гроб, сам сюжет повествования требует, чтобы герой хотя бы подошел к гробу и взглянул на то, что во гробе покоится. Верно?

Верно.

Сидор на негнущихся ногах подошел ко гробу. Мини-молния дрожала над его пальцами.

Сидор заглянул во гроб.

Сначала он ничего не увидел, кроме вековых наслоений пыли и паутины, плотных, как дерюга. Но потом...

Пыль и паутина взметнулись вверх и исчезли.

Мини-молния вспыхнула из последних сил.

Сидор ахнул.

В гробу лежала женщина невероятной, космической просто, красоты. Непонятно, как она могла сохраниться здесь, в пыли и паутине.

– Святая Вальпурга! – прошептал Сидор, немея от восторга и страха.

Дальнейшее запомнилось Сидору смутно. Нет, он не поцеловал в губы лежавшую в гробу красавицу, он даже не посмел прикоснуться к краю ее платья... Но что-то все-таки произошло, потому что на мертвом лице заиграл вполне живой румянец.

А потом красавица открыла глаза.

Словно взорвались две маленькие вселенные.

В эти глаза невозможно было смотреть.

И не смотреть в них тоже было невозможно.

В комнатушке прибавилось света, а Сидор упал на колени с воплем: «Пощадите!»

Женщина потрясающей, космической красоты сидела в гробу и осматривалась. Затем ее невероятный взгляд остановился на Сидоре.

– Кто ты? – спросила женщина необычайно мелодичным голосом. – Это ты разбудил меня?

– Прости, великая, – дрожа ответил Сидор. – Прости, я нарушил твой покой.

Перед лицом этой женщины было просто невозможно лгать.

Женщина в гробу сладко потянулась, отчего платье на ее груди опасно затрещало.

– Ох и долго же я спала! – сказала она. – Человек, на страшись меня, я не сделаю тебе ничего плохого. Как твое имя?

– Сидор, – пролепетал несчастный, глядя на красавицу во все глаза.

– Что ж, Сидор, помоги мне выбраться из этого гроба. Коль я проснулась, значит, есть во мне нужда...

Красавица протянула Сидору руку. Рука была нежной, теплой и мягкой – ни следа тления.

– Вы очень хорошо сохранились, – без лести сказал Сидор, помогая красавице выбраться из гроба.

– Благодарю, – улыбнулась та. Зубы у нее были ровные, мелкие и отблескивали жемчужом. – Что ж, Сидор, раз ты воззвал меня из небытия, я могу выполнить любое твоё желание. Нет! Оговорюсь сразу: любое твоё благое желание. Зло мне творить не дано.

– У меня нет иного желания, чем служить вам, госпожа, – пробормотал Сидор. – И хотя я не знаю вашего имени...

– Что за глупости ты говоришь? – засмеялась женщина. – Ты воззвал ко мне, ты назвал мое имя, и потому я пробудилась.

– Так вы – святая Вальпурга! – прошептал Сидор.

– Да, я та самая святая Вальпурга, покровительница ведьмовства. Когда строили первый Дворец Ремесла, я легла в его основание и заснула надолго, чтобы своей силой охранять честное ведьмовство от зла и непотребства мира. Никто не должен был обнаружить меня. Но если это произошло, значит, случилось что-то на земле. Что-то невероятное. Выведи меня отсюда, Сидор. Выведи к тем, кто сейчас управляет ведьмовством. Кстати, который сейчас век?

– Двадцать первый.

– Семь столетий я проспала... Что ж, после такого сна неплохо и встряхнуться. Вперед, Сидор! К свету и нынешнему дню!

Святая Вальпурга взяла Сидора за руку (тот внутренне охнул) и последовала за ним. Так они и вышли из винного погреба.

– Отведи меня к нынешней Госпоже Ведьм, – попросила Сидора святая Вальпурга. – Я должна поговорить с нею.

Но Сидору даже не пришлось идти со своей спутницей в рабочий кабинет Госпожи Ведьм, потому что сама Дарья Белинская со свитой расфуфыренных колдуний-фрейлин буквально летела им навстречу. Долетев непосредственно до святой, все пали на колени (выглядело это очень эффектно).

– Святая Вальпурга! – воскликнула Дарья Белинская.

– Славься, святая покровительница ведьмовства! – подхватили фрейлины.

– Полноте вам, – ответила, зардевшись, святая Вальпурга. – К чему эти празднословия? Кто из вас Госпожа Ремесла?

– Я, – ответила Дарья Белинская.

– Надеюсь, вы столь же и мудры, сколь красивы, – сказала святая Вальпурга. – Ибо красота – не главное достоинство ведьмы.

– Ничего не могу сказать в защиту себя, – улыбнулась Дарья. – Мудрости нет во мне, и с каждым днем я постигаю это все глубже. Прошу вас, госпожа, проследовать за нами в Зал Ремесла. А вы, Акашкин, не путались бы под ногами.

Сидор оскорбился было, но за него вступилась святая Вальпурга:

– Этот человек разбудил меня от сна вечности. Он прост душой, хотя и гнездится в нем еще мелкое тщеславие. Но в остальном он светел, и я не оставлю его своим покровительством.

Сидор напыжился от таких слов, но тут же увял, потому что святая Вальпурга зорко прошла насчет его ума.

Торжественная процессия, возглавляемая Дарьей Белинской и святой Вальпургой, отправилась в Зал Ремесла. По дороге в эту процессию вливались ручейки из ведьм, только что узнавших о великой новости – покровительница колдовства проснулась! Так что Зал Ремесла едва смог вместить всех желающих лицезреть святую и коснуться хоть краешка ее благословенных одежд.

Святую Вальпургу усадили на трон, который раньше полагалось занимать лишь самой Госпоже Ведьм; рядом пристроились Дарья и мессир Рупрехт. Кроме того, святая пожелала, чтобы у ее ног на особом пуфике расположился Сидор Акашкин.

Началась длительная церемония, суть которой сводилась к тому, что к проснувшейся святой подходила каждая ведьма Дворца, называла свое Истинное Имя и получала благословение. С каждой минутой эта церемония становилась все торжественней и скучнее.

– Боюсь, как бы я снова не заснула, – улучив минуту, сказала Вальпурга Дарье.

– Прошу вас, святая, не обделите вниманием поклоняющихся вам. Ведь вы для нас – ожившая легенда!

– Хорошо, – улыбнулась святая Вальпурга. – Но даже легенды нуждаются в глотке воды и корке хлеба. Я чувствую себя ужасно голодной.

– Сразу после церемонии прославления будет подан обед, – торопливо сказала Дарья. – Рупрехт, дорогой, ты распорядился?

– Само собой, – блеснул глазами Герцог Ведьмы. – Повара уже надрываются на кухне. Кстати, после трапезы не худо было бы благословить и поваров.

Наконец церемония представления закончилась. Благословение получили даже самые юные и не подающие особых надежд ведьмочки, только-только начавшие проходить курс помеловождения. Дарья приказала всем разойтись, предварительно заявив, что нынче в полночь состоится большой бал в честь святой покровительницы Ремесла. И что всем пора начинать готовиться к этому балу.

В опустевшем зале остались только святая Вальпурга, Сидор, Дарья Белинская и мессир Рупрехт. Дарья хлопнула в ладоши, и перед троном появился стол, сервированный на четыре персоны. Еще хлопок – и за отъехавшей в сторону стеной появились слуги, вносящие самые разнообразные блюда.

– Какая роскошь! – усмехнулась святая Вальпурга. – Помнится, в обители Хайденхайма мы ели лишь чечевичную похлебку да пили ключевую воду. Но времена меняются...

– Да, времена меняются, – сказала Дарья, почтительно наливая вино в кубок святой, ибо положено было первой Ремесленнице ухаживать за покровительницей Ремесла. – Но не изменились вы, святая Вальпурга. Вы по-прежнему предстоите перед Высшим в молитвах за весь ведьмовской род.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.